

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт психолого-педагогического образования
Кафедра социальной психологии

БАЖЕНОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА
КРАСНОЯРСКА**

Направление подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы
Психосоциальная работа с мигрантами

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
к.п.с.н., доцент Груздева О.В.

_____ 01.12.2017

Руководитель магистерской программы
д.и.н., профессор Ковалев А.С.

_____ 01.12.2017

Научный руководитель
к.п.с.н., доцент Дьячук А.А.

_____ 01.12.2017

Обучающийся
Баженова Е.В.

Красноярск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	7
1.1. Исследование проблемы стереотипа в научных исследованиях	7
1.2. Особенности этнических стереотипов.....	26
1.3. Особенности этнического состава Красноярска.....	43
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	51
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРИОТИПОВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА	53
2.1. Организация и методики исследования.....	53
2.2. Анализ результатов исследования этнических стереотипов населения города Красноярска	56
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	70

ВВЕДЕНИЕ

Изменение социальной структуры общества способствует видоизменению форм межэтнического общения. В процессе межличностного общения проявляются индивидуально-психологические особенности представителей той или иной этнической общности, происходит обмен информацией, актуализируется национальное сознание, меняются интересы, появляются взаимные симпатии и антипатии. Большинство исследователей исходят из того, что люди, принадлежащие к одной нации или одной этнической общности, наряду с общечеловеческими качествами обладают особенностями, типичными для всех представителей только данной нации или этнической общности и нетипичными для представителей другой.

Сам факт существования различий в психологии общностей получил широкое признание: различия могут быть ярко выражены или могут иметь лишь очерченные контуры, но они есть. Обособленность каждой общности, тем не менее, предлагает наличие контактов между ними, в результате которых этносы получают определенную информацию друг о друге. На основании опыта, полученного во время контактов, формируются этнические стереотип, которые представляют собой осознание характерных с точки зрения своей этнической группы признаков собственной и другой группы.

В настоящее время наблюдается чрезвычайная сложность проявления межнациональных отношений не только между суверенными государствами, но и между этническими общностями внутри России. Неразрешенность социально-экономических проблем, неустойчивость политической ситуации являются благоприятной средой для возникновения конфликтов как на индивидуальном, так и групповом уровнях. В свою очередь многонациональный состав населения города Красноярска, образование своеобразных экономических ниш в экономике и ряде других сфер общественной жизни во многом способствует тому, что нарастающая конфликтность приобретает национальную окраску.

Это вызывает обострение отношений между представителями отдельных национальностей, делает национальную принадлежность одним из существенных критериев восприятия людьми друг друга, в котором большую роль начинают играть этнические стереотипы.

Этнические стереотипы – обобщенные, устойчивые, эмоционально насыщенные, сложившиеся в исторической практике межэтнических отношений, образы этнических групп, регулирующие восприятие ее представителей и планирование взаимодействия с ними.

Фундаментальные исследования в области изучения феномена стереотипа и процесса формирования стереотипов были проведены такими российскими исследователями, как В.С. Агеев, В.Н. Куницына, В.П. Трусов, П.Н. Шихирев, В.А. Ядов, а также рядом зарубежных авторов, в основном представителями американской социальной психологии и социологии Д.Л. Гамильтоном, Д. Катцем и П. Брейли, Н. Кэнтором, У. Липпманом, К. Макколи Р. Нисбетом, М. Россом и рядом других авторов. В последние годы теория социально-психологического стереотипа получила дальнейшее развитие в исследованиях Р.М. Грановской и Ю.С. Крижанской, А.Ю. Козловской-Тельновой, Е.В. Орловой.

Знание социально-психологических особенностей формирования и механизмов функционирования этнических стереотипов представляет ценность для практического решения вопросов регулирования межэтнических отношений и для прогноза их развития как внутри многонационального государства, так и между представителями разных этнических общностей в городах.

Проблема исследования – каковы этнические стереотипы населения города Красноярска.

Цель исследования – выявление этнических стереотипов населения города Красноярска.

Объект исследования – этнические стереотипы.

Предмет исследования – этнические стереотипы населения города Красноярска.

Задачи исследования:

1. Провести анализ представлений о стереотипе в зарубежной и отечественной психологии.
2. Рассмотреть факторы, определяющие формирование этнических стереотипов.
3. Определить роль и значение этнических стереотипов во взаимодействии людей.
4. Эмпирическим путем выявить этнические стереотипы жителей города Красноярска

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что авто-, гетеро-этнические стереотипы населения города Красноярска различаются между собой, обуславливают своеобразие социального восприятия их представителей.

Теоретико-методологическая основа исследования:

- концептуальные разработки Л.М. Дробижевой, Н.Н. Лебедевой, В.Л. Левкович, СВ. Лурье, Г.У. Солдатовой, А.П. Оконешниковой и других авторов в области социальной этнической психологии;
- теоретические концепции социального стереотипа В.С. Агеева, Т.Г. Стефаненко;
- теоретические положения межэтнических взаимоотношений и стереотипов (Ю. В. Бромлей, И. С. Кон, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, А.А. Налчаджян, Г, Олпорт, Т. Адорно. У. Липман, Т. Тэджфел, Д. Кэмпбел, Л. Эдварде).

Методы исследования:

1. Теоретические: анализ, сравнение и обобщение научной литературы по проблеме исследования.
2. Эмпирические: метод опроса, метод полярного поля.
– «Шкала социальной дистанции» в адаптации Л.Г. Почебут.

– «Диагностический тест отношений» (Г.У. Кцоевой-Солдатовой) для исследования эмоционально-оценочного компонента стереотипа.

– Методика биополярного поля.

3. Методы количественной и качественной обработки данных. Количественный анализ данных проводился при помощи компьютерной программы SPSS 17.0.

Исследование проводилось на базе КГБУ Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг «Мои документы» Советского района г. Красноярска

В исследовании принимали участие 40 жителей города Красноярска в возрасте 27–38 лет.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней уточнены и конкретизированы представления об особенностях этнических стереотипов населения города.

Практическая значимость работы:

– выявлены авто-, гетеро-, этнические стереотипы жителей города, на основе которых можно судить и о представителях этнических общностей в целом;

– материалы исследования могут обогатить содержание лекционных и практических психологических занятий в вузах.

Структура работы: магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложений.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Исследование проблемы стереотипа в научных исследованиях

В современном мире, отличительной особенностью которого выступают многообразие форм, видов, проявлений культуры и их перманентная трансформация, человек стремится свести сложное персонифицированное содержание к узнаваемым маркерам, схемам и знакам, которые, в свою очередь, соотносятся со стереотипными суждениями.

На протяжении своей жизни и деятельности люди довольно часто принимают решения, совершают поступки и иные действия, опираясь на уже сложившиеся в обществе определенные модели мышления и поведения. Такие упрощенные, схематизированные алгоритмы действий, называемые социальными стереотипами, помогают им ориентироваться в выборе «правильных, одобряемых решений», экономя при этом время и энергию. Впервые понятие «социальный стереотип» встречается в 1922 г. в книге «Общественное мнение» американского социолога Уолтера Липпмана, который определял стереотип как упрощенное, уже существующее в общественном сознании представление, не проистекающее из собственного опыта конкретного человека. По его мнению, стереотипы – это упорядоченные, схематичные, обусловленные культурой «образы» мира в человеческом сознании, которые упрощают процесс познания сложных социальных явлений, защищают ценности, права и позиции человека, формируют традиции и привычки [34]. Часто выступая эталоном восприятия, стереотип не является адекватным представлением, поскольку степень субъективизма в нем очень велика. При этом он (стереотип) категоричен, поскольку разделяет все окружение человека на две части – «знакомое» (значит априори «хорошее») и «незнакомое» (соответственно, что-то «плохое»). Кроме того, стереотип предполагает эмоционально окрашенную

оценку окружающей действительности, он «в высшей степени заряжен чувствами». Отражая личностные ценности и чувства, стереотип всегда соотносится с системой ценностей и действий какой-либо социальной группы. Данная трактовка стереотипа является достаточно широкой, поскольку больше констатирует его функции в обществе, чем его социальную роль [61].

Исследователями – современниками У. Липпмана – стереотипы также рассматривались как ложные, лишённые логики и несовершенные действия или предвзятые суждения. Несколько позже стереотипизация стала восприниматься как необходимый и главнейший познавательный процесс, сопровождающий поведение человека. Стереотип стали рассматривать как неотъемлемый признак человеческой психики, а стереотипные суждения и оценки – как накопленный общественный опыт, как повторяющиеся явления и свойства, зафиксированные в общественном сознании [34].

По мнению большинства исследователей, стереотипы можно легко распространять, и даже навязывать с помощью средств массовой информации. Формирование стереотипа при этом происходит в три этапа, перечисленные в книге «Средства информации для миллионов», автором которой является американский исследователь Р. О'Хара – это выравнивание (leveling), усиление (sharpening) и ассимиляция (assimilation). В результате указанных этапов сложный объект превращается в определённую схему с уже известными признаками. После этого определённым характеристикам объекта приписывается особое значение по сравнению с тем, которое они имели в составе данного объекта. Затем выбираются «сглаженные» и «усиленные» признаки объекта для построения наиболее близкого и понятного образа для конкретного человека. Реакция его в данном случае будет автоматической. По мнению Р. О'Хара, интенсивность этой реакции пропорциональна силе эмоционального воздействия [78].

В начале 1960-х гг. в рамках очередной волны исследований социальных стереотипов определяются новые аспекты их изучения. Так,

анализируется воздействие личностных характеристик и психологических особенностей на механизмы стереотипизации; изучаются основные структурно-динамические признаки стереотипов, а также условия и способы их возникновения и формирования.

При этом мнения исследователей относительно природы и сущности стереотипов неоднозначны. Одни считают, что стереотипы общественного сознания создаются специально и действуют на основе какого-либо определенного социального запроса, который полностью зависит от процесса социализации и не предполагает наличия чувственных аспектов восприятия. Другие ученые, наоборот, отводят большую роль чувственному опыту в формировании стереотипа. Третьи, соглашаясь с мнением о стихийности возникновения стереотипного мышления, акцентируют внимание на сознательной поддержке и подпитке стереотипов с помощью априорных суждений, специально внедряемых в массовое сознание. Такие суждения со временем проникают во все сферы жизни (в том числе в политику и искусство) и в итоге приобретают силу нравственного правила или даже закона [71]. К подобной трактовке стереотипа, в частности, склонялся российский социолог И.С. Кон, по мнению которого стереотип – это «предвзятое, то есть не основанное на свежей, непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартизованных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений» [22].

Действительно, в ходе взаимодействия с другими людьми человек использует, по мнению Д. Белл, стереотипы как «представления и парадигмы, которые сформировались как результат обобщения ранее накопленного опыта» [7, с. 407]. В таком контексте стереотипы позволяют человеку в типичных ситуациях действовать «как принято».

Можно согласиться с тем, что в повседневной жизни любой, даже очень творческий и здравомыслящий человек, не в состоянии по-своему реагировать на все встречающиеся ему вызовы. Кроме того, чаще всего люди склонны к стереотипному мышлению и восприятию при отсутствии

достаточного количества времени, сильной занятости, эмоциональном возбуждении, усталости, а также в юном возрасте, когда опыт оценки своих собеседников и окружающих людей еще невелик [37]. Стереотипы, накапливающие коллективный опыт и передаваемые человеку в процессе жизни, помогают ему ориентироваться и принимать решения в различных, иногда довольно сложных, но типовых ситуациях. Они выступают средством организации человеческого опыта и одновременно «клеткой», не выпускающей людей за рамки их привычного образа жизнедеятельности [74].

Так как человек познает окружающую действительность и новые сферы деятельности с помощью имеющегося наработанного опыта, то вырваться из этой «клетки» он не может либо не хочет.

На современном этапе исследования социальных стереотипов не существует единого определения данного феномена. Дело в том, что стереотипом как уникальным явлением человеческой психики интересуются самые различные философские, психологические и социологические школы.

Разумеется, каждая из них опирается на собственное понимание сущности человека и интерпретацию происходящих в обществе процессов. Поэтому и подходы к рассмотрению стереотипа различны.

Вместе с тем практически все исследователи сходятся во мнении, что ни один подход не дает исчерпывающего объяснения природы стереотипов и объективного понимания причин их существования. Опыт комплексного анализа основных положений ведущих психологических и социологических школ позволяет убедиться лишь в том, их положения скорее взаимодополняют друг друга, чем вступают в какие-либо существенные противоречия.

Поскольку стереотип как феномен сознания оказывается в центре внимания представителей разных отраслей гуманитарного знания, то для его комплексного анализа необходимы междисциплинарные методы исследования. Междисциплинарный подход позволит проанализировать

положения частных областей знания и раскрыть интегративную, комплексную природу этнокультурного стереотипа. Для этого рассмотрим основные концептуальные разработки проблемы стереотипов, сформировавшиеся в русле социально-психологического, этнологического и лингвистического направлений научной мысли.

Среди современных парадигм исследования социальных стереотипов наиболее распространенными оказываются психоаналитический, когнитивный и дискурсивный подходы.

Психоаналитический подход.

Традиционно под психоанализом понимается только ортодоксальный фрейдизм. З. Фрейд ввел в научный оборот понятие бессознательного для обозначения сферы человеческой психики неподконтрольной разуму, или сознанию [67].

З. Фрейд полагал, что человеческое сознание прерывисто и состояние осознанности быстро проходит. Осознанное представление может в любой момент сделаться неосознанным, чтобы затем вновь вернуться в сознание лишь при определенных условиях. Австрийский невролог отмечает, что бессознательные представления не так просто становятся сознательными «потому, что им противодействует известная сила, что без этого они могли бы стать сознательными, и тогда мы увидели бы, как мало они отличаются от остальных общепризнанных психических элементов» [67].

В пределах только сознания невозможно определить, что происходит с представлением, когда оно перестает осознаваться. Если же допустить, что в психике человека протекают бессознательные процессы, суть которых скрыта от человека, но которые, тем не менее, оказывают на него влияние, можно выявить причинные связи между феноменами, появляющимися в сознании и исчезающими из него.

З. Фрейд полагал, что психическая активность индивида основывается на перманентном конфликте между тремя инстанциями человеческого разума – сугубо биологическими влечениями «Оно», разумным осознанием

живой действительности «Я», а также социальными нормами и требованиями, усвоенными личностью через «Сверх-Я» [67]. Конфликты между ними во многом определяют социальное поведение людей, которое в идеале должно стремиться к такой фазе противостояния между «Оно», «Я» и «Сверх-Я», при котором степень внутреннего напряжения психики была бы минимальной. Вместе с тем Фрейд полагал, что мышление и сознательное поведение человека почти полностью находятся под воздействием влечений и стремлений, вытесненных в сферу бессознательного. Это происходит потому, что такие влечения могут воздействовать на человека практически беспрепятственно, поскольку не осознаются им, а, следовательно, и обходят любые защитные механизмы.

Когнитивный подход

Основоположник Джон Броудас Уотсон полагал, что поведение (поступки и слова людей) уже само по себе дает исчерпывающую информацию о человеке. Поэтому исследователям можно вполне ограничиться изучением поведенческих реакций и тех ситуаций, которые эти реакции вызывают. Что же касается ненаблюдаемых процессов, то ими можно легко пренебречь.

Но была и другая причина, стимулировавшая становление когнитивного подхода. Она связана с появлением во второй половине XX века теории, позволяющей описывать любые формы взаимодействия систем посредством универсальной категории информации, а также с прорывом в области информационных технологий. Ее так и назвали – теория информации. Информатика и компьютерные технологии, появившиеся позднее, помогли исследователям разработать модели описания ненаблюдаемых ментальных процессов.

С точки зрения когнитивного подхода, человеческий организм перерабатывает информацию наподобие компьютера, а процесс познания раскладывается на ряд условных стадий, включающих набор уникальных операций, которым подвергается получаемая информация [19].

Предполагается, что даже такой простой реакции, как, например, ответ: «Да, я знаю, где находится эта выставка», предшествует целая серия последовательных операций, которые сознание проделывает с информацией, а именно: восприятие, кодирование, воспроизведение из памяти, формирование понятий, суждений или высказываний и т.д. Информация последовательно переходит от одной стадии к другой, подвергаясь на каждой из них соответствующей переработке. Вся эта последовательность начинается с поступления внешних стимулов.

Приверженцы когнитивного подхода относят себя к числу последователей концептуальных наук, т.е. имеющих развитую и самодостаточную систему теоретических взглядов на изучаемый объект. Поэтому они всегда предваряют свои эксперименты разработкой умозрительных моделей исследуемого процесса, чтобы связать между собой в единую теоретическую конструкцию выводы, вытекающие из их наблюдений, выдвинуть научно обоснованные гипотезы и иметь возможность прогнозировать и направлять события, используя эти знания.

Дискурсивный подход

В сугубо научном контексте определение дискурса (от латинского *discursus* – аргумент, дискуссия) довольно сложно: «теоретико-аналитическая процедура, метод комплексного анализа теоретико-методологических проблем с акцентированием на здравомыслящих, логических, понятийных элементах и средств анализа, единство понимания которых предопределяется наличием общих установок у исследователей» [19]. В широком смысле под дискурсом понимается связный устный или письменный текст. Например, некоторое коммуникативное событие, взаимодействие, полезный обмен информацией.

Общий смысл всех определений сводится к тому, что текст, речь, некоторая последовательность высказываний существуют не сами по себе, а лишь как результат соединения социальных, психических и языковых условий. Язык – это путеводитель индивида в социальной действительности.

Поскольку мышление людей находится во власти языка, ставшего средством выражения в данном обществе, а представления о реальном мире неосознанно строятся на основе языковых привычек той или иной социальной группы, изучение языка позволяет пролить свет на символическую сторону культурного и социального бытия людей. Тем более что язык вообще не существует вне ментальных представлений своих носителей.

На становление дискурсивного метода повлияла философия постмодерна, воцарившаяся на Западе в 70-х годах XX века. С точки зрения постмодерна реально существующими считаются только те знаковые или символические системы, одной из разновидностей которых становится текст, т.е. речь или выраженный иным образом язык. Современная жизнь – это непрерывная циркуляция знаков. «Предмет, ставший знаком, больше не наделяется своим смыслом в частном отношении между двумя лицами, он осмысливается в различительном отношении между двумя лицами, он осмысливается в различительном отношении с другими знаками. Немного напоминая мифы и Леви-Стросса, предметы-знаки обмениваются между собой» [4].

Существуют знаки моды, регулирующие восприятие одежды, тела, бытовых и предметов роскоши, знаки статуса и престижа. А также знаки политики, морали, экономики, науки, которые более статичны, чем знаки моды, но, по сути, ничем от них не отличаются. Символические системы – тоже не более чем творения симулякров (оторванных от явлений живой действительности суррогатных подражаний) и знаков человеческих разума.

Они отражают цели и интересы только тех, кто их производит, и несут в себе идеологию, зачастую отличную от той, которая озвучивается.

Психические процессы взрослых людей по сути своей оказываются коллективными, и лишь в зависимости от обстоятельств индивидуализируются [40].

В рамках дискурсивной парадигмы снимаются проблемы описания ненаблюдаемых психических процессов. Любая культура располагает собственным представлением о человеке, о том, как он должен себя чувствовать и понимать, о внутренних и внешних факторах, определяющих его мысли и поступки. Живя в определенной социально-культурной среде, человек с детства приучается описывать свое душевное состояние с помощью понятий, которыми пользуется его окружение. Описывая себя, западный человек, скорее всего, будет подчеркивать свою независимость, самостоятельность, активность и новаторство, а восточный обратит внимание на родственные связи, почтительное отношение к старшим, скромность и терпеливость. С точки зрения постмодерна социологу не обязательно знать то, насколько эти описания соответствуют реальности и существуют ли бессознательные конфликты на самом деле. Важно понять, как человек конструирует свой внутренний мир, с помощью каких понятий описывает общество и объясняет свое место в нем.

Рассуждая об этих трех парадигмах исследования стереотипных представлений, С.М. Медведева представляет их в виде метафор [40].

Психоанализ она ассоциирует с иррациональным человеком, который представляет окружающую его действительность в гипертрофированно мифологизированном мире, поскольку все его восприятие и поведение в высшей степени обусловлены борьбой имплицитных бессознательных влечений. Когнитивный подход можно сравнить с ученым, чьи исследовательские возможности по каким-то причинам ограничены, вследствие чего все его умозаключения об окружающей его среде и обществе, в котором он живет, ошибочны или, по меньшей мере, сугубо субъективны. И, наконец, дискурсивный подход ассоциируется с человеком, внутренний мир которого формируется под воздействием социальных идеологий, господствующих в данном обществе.

В заключение стоит отметить, что между этими подходами не существует взаимного антагонизма или методологического противостояния.

Они скорее дополняют и расширяют друг друга. Вместе с тем с бурным развитием информационных технологий в последнее время качественно изменяется и роль стереотипов в межличностной коммуникации и социально-политических процессах.

Исследования приемов стереотипизации как феномена психологии индивида сводятся к изучению процессов отбора, восприятия и обработки информации об объектах окружающей человека действительности.

Данные процессы основаны на определенных представлениях, или предзнании. В исследованиях социальных психологов стереотип выступает как явление, характеризующее индивидуально-личностный уровень психологических особенностей человеческого сознания. Данную позицию занимает Д. Мацумото, который утверждал, что стереотипы основываются на «таких психологических процессах, как избирательное внимание, оценка, формирование понятий и категорий, атрибуция, эмоции и память» [41, с. 82].

Рассмотрение феномена стереотипа исключительно в психологическом ключе без привязки его к групповому сознанию, на наш взгляд, не способно раскрыть социальную сущность данного феномена и обнаружить важнейшие функциональные особенности стереотипа. Доказательством правомерности позиции о детерминированности процессов формирования и бытования стереотипов психологическим и социальным уровнями познания окружающего мира являются исследования ученого Т. Шибутани. Он утверждал, что не существует индивидуальных стереотипов, что все они так или иначе функционируют в малых и больших социальных общностях. И в таком контексте стереотип можно определить как «популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей с точки зрения какого-либо различного признака; поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей» [72, с. 101].

В процессе изучения социальных психологическая и социальная стороны должны быть взаимодополняемыми. Стереотип представляет собой сложный, комплексный психологический и социальный способ получения и

дальнейшей переработки информации, регулирующий многие процессы человеческой деятельности. Поэтому ошибочным является утверждение о том, что его возникновение имеет под собой только психологическую основу, где не всегда отражаются реалии общественной жизни. Также ошибочно рассматривать стереотипы как ложные представления о реальных свойствах явлений и обвинять их носителей в узости взглядов и ограниченности мышления. Как неотъемлемый атрибут человеческой деятельности, стереотипы не сводятся к «совокупности мифических представлений», а имеют материальное выражение (им присущ знаковый характер, они являются знаками социальных отношений), отражают некую объективную реальность (хотя и с некоторыми искажениями), формируют ее и обеспечивают ее функционирование. Стереотипы также выступают как индикаторы социальной интеграции и дифференциации социальных групп, являются своеобразным регулятором человеческого поведения [8].

Стереотип подразумевает зафиксированную целостность, относительно стойкую когнитивную структуру, которая имеет прямое отношение к «картине мира» [16, с. 84], он включает некоторое усредненное представление об определенном объекте с соответствующими количественными и качественными его признаками плюс их соотношение с оценочной шкалой, и представляет собой «совокупность упрощенных обобщений о группе индивидуумов, которая позволяет распределить членов группы по категориям и воспринимать их шаблонно, согласно определенным ожиданиям» [12, с. 296].

Таким образом, синоптический анализ исследований позволяет сделать вывод о том, что процесс стереотипизации – это обязательный компонент рецептивных и перцептивных процессов психики человека, проявляющийся в процессах социального взаимодействия.

Исследование стереотипа в контексте коммуникативного (вербального) поведения нашло отражение в работах лингвистов. В когнитивной лингвистике понятие «стереотип» связано с содержательной стороной языка

и культуры, т.е. рассматривается как ментальная картинка, которая связана с картиной мира. Так, В.В. Красных рассматривает стереотип как «представление» лишь части окружающей действительности, как фиксированную ментальную «картинку», являющуюся результатом отражения в сознании личности «типového» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [26, с. 231].

В.А. Рыжков под стереотипом понимает «единицу языка, вызывающая на психовербальном уровне в сознании представителей определенной национально-культурной общности некоторый минимум сходных ассоциативных реакций по ряду семантических признаков оценочного характера» [54, с. 13].

Изучению стереотипа в процессах речевого общения посвящены исследования Ю.Е. Прохорова. В них автор характеризует стереотип как социокультурно маркированную единицу «ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры», комплекса, реализуемого в вербальном общении «в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [49, с. 98].

Таким образом, стереотип выступает как ментальный образ, который коррелирует с «наивной картиной мира». При этом лингвисты полагают, что в основе формирования и функционирования стереотипов лежат когнитивные процессы, неразрывно связанные с механизмами, с помощью которых разум человека постигает и категоризирует окружающую действительность. В процессе речевого общения человек склонен опираться на обобщения, упрощения и оценку, именно поэтому стереотипы по своей природе нейтральны. Анализ данных концепций, разрабатывающих проблему функционирования стереотипов в языковом пространстве, позволяет сделать вывод о том, что стереотипы – это представления, имеющие национально культурную маркированность, ассоциативную природу и языковую форму выражения. Материалом для исследования в

данном случае могут выступать произведения литературы и публицистики, где суждения о себе (автостереотипы) и других (гетеростереотипы) обнаруживают себя наиболее зримо и ярко.

Если говорить о структуре социального стереотипа, то в ней А.Ю. Питерова, Е.А. Тетерина выделяют два основных уровня:

1) когнитивный уровень – это получаемые человеком сведения об объективных явлениях действительности. Эти сведения трансформируются в стереотипные суждения в том случае, если они представлены «схематизированным и генерализированным содержанием». Когнитивной базой стереотипов почти всегда является естественное желание человека упрощать любые сложные взаимосвязи и процессы. Такая схематизация окружающей действительности, а нередко и ее искажение, являются важной отличительной чертой стереотипов. Именно поэтому, когда в большом потоке информации люди сталкиваются с явлениями или ситуациями, не требующими подробного и глубокого анализа, начинает работать механизм стереотипизации;

2) ценностный уровень – это отношение субъекта к отражаемой действительности, обычно включающее в себя различные эмоции, чувства симпатии или антипатии к реальному или абстрактному объекту. Нередко в стереотипах сделан акцент именно на этой составляющей. Поэтому можно встретить вывод исследователей о том, что в стереотипе практически отсутствует этап рационального осознания чего-либо, что стереотип является «образованием, предшествующим разуму» и используется человеком бессознательно [50].

А.Ю. Питерова и Е.А. Тетерина выделяют многочисленные разновидности социальных стереотипов (гендерные, этнические, профессиональные, политические, конфессиональные, этические, эстетические, бытовые и др.) в том или ином виде проявляются в жизнедеятельности современного общества как стереотипы социальной

идентификации его членов. Нередко в ряде ситуаций можно увидеть сочетание сразу нескольких видов стереотипов [50].

О.А. Алимускина выделяет автостереотипы (представления людей о самих себе, воспринимаемые как норма, которой необходимо следовать) и гетеростереотипы (представления о другом народе, носящие более критичный характер) [3].

Н.В. Пирайнен выделяет пять основных групп социальных стереотипов: антропометрические, этническо-национальные, социально-ролевые, эмоционально-эстетические и когнитивно-конативные, каждая из которых отражает определенные признаки и влияет на формирование образа оппонента [51].

Антропометрические стереотипы связаны с внешним обликом оппонента. Например, известный стереотип о доброте тучных людей. Этнико-национальные стереотипы предполагают оценку оппонента в зависимости от его принадлежности к той или иной расе, нации, этнической группе. Например, представители южных народов воспринимаются более темпераментными, чем представителей северных наций.

Социально-ролевые стереотипы предполагают оценку личностных качеств оппонента в зависимости от его социальной роли. Примером служат различные гендерные стереотипы.

Эмоционально-эстетические стереотипы формируются под влиянием личного опыта переживаний, и определяются внешней привлекательностью оппонента, т.е. более доверительное отношение формируется к человеку, который нам более симпатичен.

Когнитивно-конативные стереотипы связаны с особенностями поведения оппонента, его речи, мимики и пантомимики.

Знание социальных стереотипов восприятия с учетом различных культурных слоев в значительной степени способствует избавлению от ошибок поведения при интерпретации намерений людей и улучшению процесса межкультурной коммуникации. Социальному стереотипу присущи

определенные свойства, А. Ю. Питерова и А. Тетерина выделяют такие как предвзятость, ригидность, оценочная окрашенность, однозначность, репрезентативность [50]. Стоит рассмотреть их более подробно.

Наиболее ярким и четко проявляемым свойством стереотипов является предвзятость. Люди часто могут воспринимать информацию с определенной долей предвзятости, даже не всегда понимая это. Они пребывают в полной уверенности, что их негативное отношение к человеку, группе людей или событию вызвано их отрицательными свойствами или плохим поведением. Прошлый негативный опыт общения с участником группы может затем проецироваться на всех членов этой группы. Свойство предвзятости в отношении воспринимаемой информации / действительности проявляется следующим образом: человек сначала «сканирует» источник воздействия и только затем переходит к смысловому содержанию коммуникации, то есть к сообщению уже заранее формируется положительное или отрицательное отношение. Это является частой причиной возможных ошибок и неточностей в практической деятельности людей.

Другим свойством социальных стереотипов является их ригидность. Для стереотипов характерны стабильность и консервативность на протяжении долгого периода времени. Именно поэтому люди со стереотипным мышлением и поведением могут успешно противостоять рациональным доводам, любой информации, направленной на их изменение. Но при этом ригидность стереотипов не абсолютна, им свойственна также и определенная пластичность. Люди вынуждены приспособляться к изменениям, происходящим в обществе, соответственно, и социальные стереотипы подвержены трансформации под влиянием объективных социально-экономических и политических факторов, хотя происходит это довольно медленно. Гибкость стереотипов проявляется в корректировке ценностей, установок, мотиваций, моделей поведения в той или иной ситуации. Если человек готов воспринимать информацию, которая не

совпадает с его стереотипными представлениями и суждениями, то происходит «ломка» стереотипного мышления.

Но, тем не менее, человек не может моментально изменить ракурс уже сложившегося мнения, ему сложно выйти за рамки своего повседневного восприятия.

Рассуждая о вероятности абсолютного исчезновения стереотипов, исследователи сходятся во мнении о том, что с течением времени стереотипы видоизменяют свое содержание, но полностью исчезнуть не могут, так как выступают инструментами сознания и деятельности. Не существуют абсолютно одинаковые проблемные ситуации, для решения которых потребуются те или иные социальные стереотипы, поэтому их содержание изменчиво.

Оценочная окрашенность, как одно из значимых свойств социальных стереотипов, проявляется главным образом в их наглядности, в реальных действиях и поступках людей. Например, стереотип негативного отношения к каким-либо индивидам или группам приводит к напряжению между ними со всеми вытекающими последствиями – от оскорблений до физического насилия.

Таким образом, социальные стереотипы не являются нейтральными с точки зрения аксиологического подхода. Стереотипизация любого явления всегда предполагает его оценку, которая, в свою очередь, зависит от ряда факторов: личности оценивающего и ракурса оценки, поскольку оценка «предназначена для того, чтобы упорядочивать, облегчать и регулировать человеческую деятельность» [4, с. 5].

Оценка любого социального явления носит необъективный характер, так как часто зависит от стереотипов тех, кто оценивает. При единичной оценке неизбежно упускаются из виду многие объективные признаки оцениваемого субъекта, а получившееся стереотипное суждение наполняется ошибочными представлениями.

Социальные стереотипы, подчиняясь также строгим логическим законам мышления, обладают свойством однозначности. Это означает, что по поводу одного и того же объекта одновременно не могут появиться два противоречащих друг другу суждения.

Репрезентативность, как еще одно свойство социальных стереотипов, проявляется в следующем. Стереотипизация выступает упрощенным способом представления какого-либо множества явлений, черт, признаков и т.п. При этом несколько характеристик соединяются в один, довольно простой образ, который представляет и выражает сущность всей группы [61].

Процесс формирования стереотипов является определенной формой рационального познания, в процессе которого происходит приписывание некоторых характеристик объекту восприятия на основании отнесения его к определенному классу, поскольку «сознание и язык не отображают внешний мир, а интерпретируют его, исходя из наших текущих потребностей» [61].

Механизм стереотипизации (образования стереотипа) не является врожденным и не бывает результатом индивидуального опыта. С того времени, как ребенок начинает осознавать себя членом определенной группы, он в процессе социализации и инкультурации принимает уже существующие социальные стереотипы мышления и поведения данной группы. Поэтому можно с определенной долей уверенности говорить о том, что социальные стереотипы, прививаемые человеку в процессе социализации, затем становятся личностными. Следовательно, персональные стереотипы (или автостереотипы) являются «подвидом» социальных, они проявляются в самых разных ситуациях, в которых индивид имеет свободу решения или действия по отношению к тому или иному явлению. С другой стороны, это не означает, что человек не может иметь своих собственных сформированных стереотипов. Но и здесь присутствует один нюанс: самостоятельно выработанные человеком стереотипы формируются в ходе его совместной деятельности с другими людьми, поэтому они также носят общественный характер.

Более глубокое познание сущности социального стереотипа затруднительно без выяснения его роли в обществе и способах «моделирования» (конструирования) реальности с его помощью. Любой субъект испытывает потребность в психологической устойчивости, которая обеспечивается за счет самоидентификации, т.е. формирования собственного образа и самооценки. Для этого индивиду необходимо определить себя в терминах подобия и отличия от другого человека. Таким образом, общество, социальная группа или отдельный индивид осознают свою тождественность только через выявление своих отличий и их закрепления в образцах поведения по отношению к другим, чужим. Эти различия служат границей, где заканчиваются «я» или «мы» и начинается чужой внешний мир – «они». В целом, В.Н. Куницына функции стереотипов делит на социальные, индивидуальные, групповые, информационные и социально-информационные [28]. Социальные функции включают адаптацию к условиям окружающей среды, которая проявляется не только на мыслительном, но и на поведенческом уровне посредством создания ментальных репрезентаций объекта и формирование соответствующих поведенческих реакций. Кроме того, в рамках этих функций также осуществляется интегративное формирование единых представлений социума, охрана и социально-психологическая стабилизация сознания.

Индивидуальные функции предполагают схематизацию и упрощение определенных образов и ситуаций, а также создание и сохранение положительного Я-образа. Групповые функции включают формирование и сохранение идеологии, объясняющей и оправдывающей поведение группы, а также создание и сохранение положительного образа МЫ-группы [49]. Выполняя информационные функции, стереотип активно реализуется в познавательной деятельности, участвует в процессе производства, преобразования, упорядочивания, передачи, восприятия, хранения и использования информации, он формируется на уровне чувственного восприятия и призван блокировать избыток поступающей информации, с

помощью стереотипа субъект ищет устойчивые ориентиры в информационной среде. Реализация социально-информационных функций позволяет осуществлять как синхронное, так и диахронное информационное взаимодействие [43].

Важную роль стереотипы восприятия играют в осуществлении когнитивной и межгрупповой социальной дифференциации. Так, например, попадая в ситуацию, требующую незамедлительной первичной оценки явления или объекта, представитель конкретной этнической общности делит их на «знакомые» («свои», «положительные») и «незнакомые» («чужие», «враждебные»). В данной ситуации собственная этническая атрибутика характеризуется позитивно, со знаком «плюс», а та, что не вписывается с имеющуюся систему представлений, – со знаком «минус». Этим объясняется жизнеспособность стереотипов восприятия, призванных оценивать представителей других социальных общностей по определенным схемам.

Таким образом, противопоставление «мы» – «они» основывается на процессах максимизации межгрупповых различий и минимизации межгруппового сходства, тем самым способствует гомогенизации собственной референтной группы и большему обособлению гетерогенных сообществ.

В силу своих динамических характеристик – устойчивости, ригидности, консерватизма – стереотип выступает как один из способов трансляции культурно-исторического опыта. Стереотип способствует фиксации социально значимых элементов культуры народа, обеспечивая стабильность социальных практик, защищает групповые интересы и оправдывает межэтнические отношения. Стереотипы, сформированные какой-либо этнической группой, зачастую наполнены враждебностью и предрассудками, поскольку лежат в сфере эмоциональных переживаний и базируются на «этническом отталкивании» [73, с. 228].

Таким образом, социальные стереотипы, выполняя ряд важных функций, могут нести в себе положительный момент в том случае, когда они

выступают способом решения ряда проблем для человека, а не подавляют его индивидуальность. Каждый человек в первую очередь является личностью, несмотря на все свои особенности мышления, поведения и характера. И если в обществе приходит необходимость развенчания какого-либо стереотипа, то стоит помнить о том, что данный процесс всегда сопровождается довольно острыми внутриличностными, межличностными и межгрупповыми конфликтами. В обществе всегда присутствует «глубокое противоречие, кажущееся непреодолимой пропастью между индивидуальными потребностями и склонностями и потребностями существования общества» [1], где каждый индивид в своей внутренней жизни изолирован, а во внешней – он только часть общественной системы. Для удовлетворения всех уровней потребностей, для поддержания самоуважения, адекватной самооценки, и, как следствие, общественного порядка каждый человек нуждается в определенных реакциях и оценках со стороны других людей или социальных групп. Все это свидетельствует об устойчивости и направленности социальных стереотипов.

В свою очередь, доля истинности человеческих оценок пропорциональна глубине познания окружающей действительности, на основе которого только и может сформироваться стереотипный образ.

1.2. Особенности этнических стереотипов

Исследования стереотипа в этнокультурном срезе сводятся к производной от дефиниции «социальный стереотип» к понятию «этнический стереотип» либо «этнокультурный стереотип». Следует отметить, что не существует особых, присущих исключительно этнокультурным стереотипам черт, свойств и функций. Все они в равной степени характерны и для социальных стереотипов как таковых.

Стереотип восприятия в исследовании этнологов определяется как устойчивое, упрощенное и обобщенное представление о той или иной этнической общности. Являясь фрагментом концептуальной картины мира, неким ментальным образом, стереотип есть культурно детерминированное отображение окружающей действительности. Процесс стереотипизации протекает на бессознательном уровне, при этом индивидуальные представления и образы выступают индикаторами массовых, принятых в данной конкретной этнокультурной группе.

В исследованиях, посвященных функционированию стереотипов различного уровня, обнаруживается взаимосвязь стереотипов с процессами самоопределения. Стремление к уподоблению, готовность отождествлять себя с неким признанным образцом, по мнению Э. Фромма, являются важнейшими экзистенциальными потребностями человека [68]. В хаосе социального бытия человек нуждается в системе ориентаций, которые позволили бы ему дать автохарактеристику, убедиться в тождественности тех, кого он маркирует понятием «свои», и безошибочно определять «чужих». Таким образом, идентичность можно определить как «процесс выделения себя из среды других, чуждых, многих, отчетливое разделение "своего" и "чужого"» [68, с. 7].

Т.И. Курцев подчеркивает, что сознание человека, будучи включенным в область исторической памяти и информационных потоков, погружаясь в процессы самоопределения, создает социальнокогнитивные системы, «из которых люди получают социальное «знание», где идет постоянная циркуляция (воспроизводство, хранение, обработка, интерпретация и обмен) знаний, отложение этих знаний в коллективном и индивидуальном бессознательном» [29].

Процесс отождествления индивида с референтной группой происходит не только и не столько с совокупностью определенных людей, но и с идеальными образами или системой взаимосвязанных образов и стереотипов, репрезентирующих данную группу людей.

Неосознаваемая в обычной жизни проблема идентичности, самоотождествления личности с конкретным коллективом проявляется по мере возникновения контактов с представителями инокультур. Это приводит к осознанию своей принадлежности к определенной культурной общности, самобытные черты которой становятся более четкими и рельефными при сопоставлении с другой. Процессы самоопределения, самоорганизации носят нормативно-оценочный характер, в ходе которых формируется определенная «сетка координат» в пространстве сознания и культуры. Немаловажное значение в данных процессах выполняют стереотипы. В силу резистентности и кумулятивной природы стереотипы способствуют консервации культурно значимой информации и ее трансляции из поколения в поколение. Подобные наблюдения позволяют утверждать, что этнокультурные стереотипы являются структурообразующей основой этнической идентичности, поскольку играют определяющую роль в ее конструировании и функционировании.

История возникновения этнических стереотипов как элементов этнического самосознания тесно связана с развитием общества. Приводя множество примеров из истории развития различных народов, Б.Ф. Поршнев подчеркивает, что рассмотрение этнического самосознания, как и других социально-психологических феноменов, только изнутри представляется фикцией. «Именно противопоставление своей общности другой способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым – скреплению общности» [6, с. 99]. То есть процессы этнической дифференциации обуславливают процессы этнической идентификации, выступают в неразрывной связи и развиваются в динамическом единстве. По Б.Ф. Поршневу формирование «Мы» происходит путем взаимного уподобления, то есть под действием механизмов подражания и заражения, а «Они» путем механизмов запрета подражать им или отказа человека в подчинении подражанию. «Нет такого «Мы», которое явно или неявно не противопоставлялось бы каким-то «Они», как и обратно».

Таким образом, в процессе межэтнического сравнения происходит фиксация внутриэтнических и внеэтнических общностей и формирование образов «Мы» и «Они».

Результатом этого процесса является восприятие, основным критерием которого выступает этническая (групповая) принадлежность. Это приводит к деперсонализации отдельных членов этнических групп и восприятию их на основе целостного абстрактного образа «обобщенного» представителя данного этноса. При этом деперсонализация отдельных членов этнических общностей выступает как одна из важных закономерностей.

Процесс этнической стереотипизации выполняет объективную психологическую функцию, позволяя быстро, просто и достаточно надежно упрощать, категоризировать и схематизировать ближайшее и более далекое социальное окружение. По образному выражению В.С. Агеева, процесс стереотипизации подобен «грубой надстройке», необходимой и полезной в сфере межгруппового восприятия. Объективность и полезность психологического феномена стереотипизации не противоречит негативной оценке социальных стереотипов, полных этноцентризма и враждебности, поскольку речь здесь идет о двух различных уровнях познания – психологическом и социологическом. Следует подчеркнуть, что содержание социальных стереотипов относительно независимо от психологического процесса стереотипизации, который выступает только как механизм их формирования. Детерминантами содержания и направленности этнических стереотипов являются факторы социального, а не психологического порядка.

Психологические процессы этнической дифференциации и идентификации возникают в условиях межгруппового социального сравнения, детерминируемого межгрупповым взаимодействием. Согласно Л. Гумилеву, типов этнического взаимодействия может быть несколько. Необходимо различать взаимодействие на различных уровнях этнической истории, поскольку это по-разному отражается на содержании и динамике этнических стереотипов, описывающих как аутгруппы, так и ингруппу.

Возможны следующие виды контактов, описанные Ю.П. Платоновым следующим образом:

– консорции, когда возникают нестойкие этнические сочетания, слабо отражающиеся на этнических стереотипах;

– конвекции, когда происходят деформированные сочетания, при которых у отдельных индивидов наблюдается эффект «разбухания» аффективных, нижних этажей диспозиций, что сказывается на этнических стереотипах наименее социально и этнически толерантных членов конвекций;

– симбиозы, то есть такие формы взаимополезного сосуществования этносов, когда сохраняется их своеобразие за счет компенсации «разбухающих» нижних аффективных этажей этнических диспозиций конструктивными элементами национального самосознания;

– ксении, то есть нейтральное сосуществование этносов при сохранении ими своего своеобразия, что мало сказывается на этнических стереотипах в силу адекватно выработанных национальных идеологий (в данных случаях речь идет о контакте этносов, входящих в один суперэтнос) [48].

Контакты же на уровне суперэтносов дают еще 4 варианта этнического взаимодействия, а значит, и соответствующих возможных вариантов развития этнических стереотипов: в случае контакта персистента, где пассионарность невелика, с пассионарно напряженным этносом наиболее вероятно ассимиляция и вытеснение слабого этноса.

Вариативность динамики авто- и гетеростереотипов тут велика и зависит от всего комплекса указанных выше факторов:

– если сосуществует два или более слабопассионарных этносов, то они находят взаимоприемлемый способ сосуществования и не подавляют друг друга. При этом этнические стереотипы слабо подвержены влиянию, изменения же могут претерпевать когнитивные и поведенческие составляющие стереотипов;

– в случае контакта сильно-, но равнопассионарных суперэтносов происходит метисация. В этом случае деформируется поведенческая составляющая стереотипов, то есть, как отмечает Л. Гумилев, начинает нарастать тенденция к индивидуальной стратегии поведения при утрате общих ценностных норм, идеалов, императивов;

– если при контакте сильно- и равнопассионарных этносов процесс метисации сопровождается пассионарным толчком, то возникает новый этнос с новыми авто- и гетеростереотипами [48].

Итак, те или иные особенности межэтнического взаимодействия в конкретных общественно-исторических условиях обуславливают характер межгрупповых отношений, который можно условно определить как позитивный, негативный и нейтральный. Именно характером сложившихся отношений определяется направленность стереотипных оценок, которую также можно дифференцировать на позитивную, негативную и нейтральную.

Там, где между двумя этническими группами исторически складывались отношения сотрудничества, они вырабатывали положительную установку друг к другу, предполагающую толерантность, а следовательно, и позитивные стереотипы. Там, где отношения между народами были далекими, не затрагивающими жизненных интересов друг друга, без особой враждебности или симпатии, их установки и стереотипы складывались под влиянием чувства любопытства, связанного с взаимной непохожестью, и носили нейтральный характер. Иным образом дело обстоит там, где этнические группы долгое время находятся в состоянии конфликта и вражды. Содержание этнических стереотипов зависит также от характера межгрупповых отношений и преломляется сквозь призму социального положения стереотипизирующей и стереотипизируемой группы.

Как отмечает И.С. Кон, народы, занимающие господствующее положение, строят стереотипные образы об этническом меньшинстве как о неразумном ребенке, который нуждается в опеке, и при «хорошем поведении» отмечают у него целый ряд достоинств – непосредственность,

жизнерадостность, отзывчивость, но в случае неповиновения он сразу становится «агрессором» и «смутьяном». Если же меньшинство представляется как конкурент, соперник в экономической или социальной области, то в стереотипном образе о нем преобладают такие качества, как жестокость, хитрость, алчность, лицемерие и т.д., причем умственные способности ни в коей мере не умяляются, а даже наоборот переоцениваются [22].

Таким образом, если «неполноценность» пассивно подчиненной группы в основном усматривается в интеллектуальной сфере, то группа конкурент признается «низшей» в моральном отношении.

Направленность отношений между этносами определяет также оценку одного и того же качества, присущего различным этносам. Нередко случается так, что добродетель одной общности (чаще всего своей) может превратиться в порок другой. То есть, при негативном отношении, «осторожность» трактуется как «трусливость», «экономность» как «жадность» и тому подобное. На этой особенности стереотипов, состоящей в том, что оценки качеств являются отражением отношений, основан ряд методик для исследования эмоциональнооценочного компонента стереотипов и диагностики направленности отношений.

Для правильного понимания этнических стереотипов и особенностей их проявления имеет большое значение понимание сущности культурной дистанции. Первые ели направленные эмпирические исследования феномена культурной дистанции были осуществлены А. Фэрнхемом и С. Бочнером в русле кросс-культурной психологии [11]. Они обнаружили, что степень стрессогенности новой культурной среды для мигранта зависит от степени близости аутентичной культуры в среде нового проживания. При этом степень близости культур оценивалась самими исследователями в параметрах «далекой – средней – близкой» (с учетом географического фактора) удаленности, а ощущение переживаемого культурного шока

оказалось значимо связано с установленными параметрами близости-далекости культур [11].

Эта эмпирически установленная связь и послужила основанием для выделения такой психологической характеристики восприятия иноэтнической среды (иной культуры) как культурная дистанция. Переживание культурной совместимости с какой-то определенной этнической группой зависит, таким образом, от нескольких параметров: во-первых, от объективно существующей культурной различительности, во-вторых, от индивидуальной способности к восприятию нового и устойчивости к стрессам, и, в-третьих, от личного непосредственного опыта межкультурных (межэтнических) контактов. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что фиксирование объективно существующей культурной различительности необходимо для определения меры культурной совместимости.

В отечественной этнопсихологии развернутое исследование феномена культурной дистанции было осуществлено Н.Лебедевой [47]. Характерной чертой ее работы явилась теоретическая проработка понятия культурной дистанции и создание батареи методик для ее определения применительно как к задачам собственного исследования, так и к условиям этнической перемешанности народов бывшего СССР. Автор настаивает, что «социальная перцепция культурной дистанции – это субъективный образ и, значит, он подвержен всевозможным трансформациям как любой субъективный образ». Этот образ «является как отражением объективной разности взаимодействующих этнических культур, так и отражением реальности межгрупповых отношений и внутригруппового состояния» [15].

Фактором, определяющим содержание этнических стереотипов, выступает этническое своеобразие стереотипизируемой группы в условиях социального сравнения. В процессе стереотипизации при восприятии одного этноса другим в первую очередь выделяются его наиболее яркие, особенные качества, непривычные для стереотипизирующего народа. Эти особенности

часто закрепляются в обычаях, традициях, обрядах, а также в своеобразии общения и стереотипах поведения. Качества, выделенные при восприятии, подвергаются оценке сквозь призму системы ценностей и норм собственного народа путем сравнения и сопоставления. Отсюда следует относительность содержания этнических стереотипов. Поэтому, как отмечает В.П. Трусов, возможно предположить, что финн охарактеризует немца как разговорчивого и общительного, а итальянец того же немца как замкнутого и сдержанного. Причем оба будут по-своему правы, так как оценка зависит от начальной точки отсчета. Относительность этнических стереотипов необходимо учитывать при анализе их содержания [65].

Резюмируя вышеизложенное, представляется логичным привести предложенные Ю.П. Платоновым группы факторов, которые определяют содержание этнических стереотипов:

1) стереотипизирующая группа:

- специфика ее этнической психологии;
- ее система ценностей;
- ее общественно-историческое развитие;
- ее культурное развитие;

2) взаимосвязь стереотипизирующей и стереотипизируемой групп:

- социально-политические и экономические условия их развития;
- взаимоотношения между группами (история фактических отношений и символически идеальное ценностное отражение);

3) длительность и глубина контакта между представителями групп [48].

Что касается третьей группы факторов, то следует иметь в виду, что согласно «гипотезе контактов» прямое и непосредственное взаимодействие между народами влияет на содержание и динамику этнических стереотипов, разрушая и размывая их. Однако следует внести коррективы по поводу этих контактов, так как далеко не всякое межэтническое общение разрушает уже сложившиеся негативные стереотипы. В ряде случаев предшествующая напряженность в межгрупповых отношениях, недостаток информации друг о

друге, негативная социальная установка по отношению друг к другу и тому подобное в результате непосредственного контакта может усугубить взаимные негативные оценки и еще больше упрочить предрассудки и предубеждения. Считается, что этот эффект может быть снят лишь при особых условиях организации контакта конкурирующих этносов:

- принятии безусловного равенства сторон;
- наличию обстановки открытости и доверия;
- принятии общих, значительных для обеих сторон целей;
- уважении к традициям, нормам, ценностям, правилам поведения,

образу жизни друг друга и т. д. Только при выполнении всех этих условий контакт между представителями различных групп (народов, политических группировок) будет плодотворен и можно будет рассчитывать на положительный политический и психологический эффект [1].

Непосредственный контакт между этносами реально может быть осуществлен только на уровне субъект-субъектных отношений, в которых отдельные личности выступают как носители этнического сознания конкретного этноса. Несмотря на то, что этнические стереотипы общественны по своей природе, существовать они могут лишь в сознании отдельных индивидов. Поэтому возникает ряд собственно психологических вопросов, связанных с восприятием и поведением представителей различных этнических групп на личностном уровне. В этой связи, по мнению А.А. Бодалева, необходимо учитывать, эпизодичны или постоянны контакты представителей различных общностей, а также их продолжительность и содержание. При отсутствии длительных и многоплановых личных контактов представителей различных общностей при взаимном восприятии и оценивании большое значение имеют стереотипы, по существу заимствованные из чужого опыта [11].

При эпизодичных контактах на личностном уровне особенно ярко проявляется такая особенность этнических стереотипов, как антропостереотипичность, связанная с внешним обликом индивида.

Действительно, внешность часто выступает как практический признак, несущий информацию о национальной принадлежности воспринимаемого субъекта. В систему признаков, из которых складывается внешний облик, входит все богатство вербальных и невербальных коммуникативных особенностей: выговор, жесты, мимика, позы и т.д., что может нести информационную и регулятивную функцию. Житейская психология нередко связывает воедино особенности внешнего вида представителей иноэтнических групп и психологические качества, из чего неизбежно вытекает поведение, соответствующее отношению между стереотипизирующей и стереотипизируемой группами.

Необходимо также отметить, что соответствие или несоответствие стереотипных представлений о внешности той или иной национальности сильно влияет на живучесть гетеростереотипов. Однако установлено, что исключительно на внешность обращают внимание люди с низким уровнем образования, используя лишь присущие обществу социокультурные механизмы [57].

Стереотипы хотя и историчны и общественны по своему происхождению, они все же психологичны по локусу существования и их носитель (конкретная личность) вариативен в своем поведении, в субъект–субъектных отношениях. Именно поэтому такие стереотипы, как стандарт, «клише», «инструмент грубой подстройки», являясь универсальным механизмом восприятия на межгрупповом уровне взаимодействия, не являются таковыми на личностном уровне.

Если происходит подмена механизмов восприятия одного уровня другими (а при сопоставлении межличностного и межгруппового восприятия речь идет именно о различном уровне анализа единого в сущности феномена социальной перцепции), то разрушается нормальное человеческое общение. Это происходит как в случае замены межличностных механизмов межгрупповыми, такими как ригидность, косность и стереотипичность при восприятии и оценках «ближнего своего», так и в случае замены

межгрупповых механизмов межличностными – ложной идентификацией и рефлексией, создающей иллюзию понимания «дальнего своего». Причем оба варианта замены могут быть интерпретированы как психическая патология, как утрата способности актуализировать релевантные механизмы восприятия.

Существует множество попыток объяснить известный «парадокс ЛаПьера», заключающийся в несоответствии бытующих стереотипов и реального поведения.

Некоторые авторы пытаются сослаться на погрешности в проведении эксперимента (сопровождение китайцев американцем), другие на реальную материальную выгоду хозяев отелей, разрушающую, якобы, все стереотипы, третьи объясняют данный парадокс особенностями вербального и невербального общения. На наш взгляд, возможно предположить, что здесь имеет место различный уровень социальной перцепции. В случае непосредственного межличностного контакта негативные стереотипы не сработали, уступив место более тонким и гибким механизмам восприятия на личностном уровне. При опосредствованном контакте (через переписку) происходит восприятие незнакомых, абстрактных людей на групповом уровне, именно как представителей конкретного этноса, с переносом на них стереотипного образа данной этнической группы. Именно на данном уровне межгруппового взаимодействия этнические стереотипы приходят в соответствие с поведением (письменный отказ в приеме).

Необходимо также подчеркнуть тот факт, что соответствие механизмов восприятия тому уровню социальной реальности, на котором происходит взаимодействие, не нарушается только при нормальной, адекватной социальной ситуации. В случае же возникновения опасности существования этнической группы как целостного организма (в условиях соперничества или межэтнического конфликта) процессы внутригрупповой идентификации и межгрупповой дифференциации активизируются, выступая в качестве защитных механизмов [18, с. 227].

Нарушение баланса этих процессов способствует реальному возникновению межэтнической враждебности, когда стереотипы «образа врага» становятся не только произносимыми, но и действенными как на уровне межгрупповых, так и на уровне межличностных национальных отношений. Такое распространение этнических стереотипов как механизмов восприятия и оценки на уровень межличностных отношений в ситуации межгруппового конфликта было замечено Г. Тэжфелом при описании феномена стереотипизирования. Он отмечал, что в случае возникновения напряженности между группами стереотипы ужесточаются, заостряются и начинают играть доминирующую роль в реальном поведении индивидов, вплоть до откровенной враждебности. Близость стереотипов и ценностей обусловила появление целого направления в исследовании стереотипов – аксиологического.

Говоря о культурной ценности нации, народа, Н.М. Боголюбова раскрывает ее сущность следующим образом: «Это специфическая категория, выражающая представление одного народа о том, что хорошо, что плохо, что желательно, что нежелательно, истинно – ложно. Каждая национальная культура вырабатывает свой набор культурных ценностей, влияющих на формирование национального характера и, следовательно, на особенности его восприятия другими народами» [10, с. 82].

Именно эти ценности и находят свое отражение в национальных стереотипах. «Стереотип зависит от ценностной ориентации, вытекает из нее и выражает ее в схематическом виде», подчеркивает Л.С. Назырова [44, с. 45]. Взаимосвязь стереотипов и ценностей ярко проявляется в противопоставлении авто и гетеростереотипов. Автостереотип – это образ-представление какой-либо этнической группы о самой себе, гетеростереотип – образ-представление этой группы о других группах. В автостереотип, как правило, входят характеристики, отражающие высшие позиции в иерархии ценностей народа. Автостереотипы являются «сосредоточием социально одобренных ценностных характеристик» [45, с. 97]. Они содержат, по

мнению С.И. Королева «нечто от идеала, нечто от того, что хотелось бы увидеть» [24 с. 72]. Гетеростереотипы же в большей или меньшей степени противопоставлены автостереотипам.

Например, по данным исследования ценностей личности в русской культуре Н.М. Лебедевой [30], одной из ее ведущих ценностей является «добролюбие». Если сопоставить эти данные с результатами исследований автостереотипа русских [2, 58], то можно легко обнаружить реализацию в нем этой ценности: доброта занимает ведущие позиции среди черт, приписываемых русскими своему народу. Складывается впечатление, что доброта является одним из центральных концептов русской культуры в целом. Что касается гетеростереотипов русских о других народах, то в них могут входить противоположные, неодобряемые качества. Так русские часто приписывают себе щедрость и открытость, а, например, немцам – скупость и закрытость.

Подобные примеры системной взаимообусловленности авто- и гетеростереотипов и их взаимосвязи с ценностями культуры можно найти во многих этнопсихологических и иных исследованиях.

Я. Дабровская, исследовавшая образ поляков в немецкой прессе: порядок в автостереотипе немцев отражается в их гетеростереотипе о поляках, как в зеркале перевертыше, в виде беспорядка. Ведущую роль в формировании этих стереотипов сыграл порядок как важнейшая ценность немецкой культуры [76].

Такая взаимосвязь авто- и гетеростереотипов иллюстрирует понятие ингруппового фаворитизма, «подразумевающего формирование более позитивного образа собственной культуры по сравнению с другими» [76, с. 236], сознательное или неосознанное предпочтение своей группы другим. Если речь идет о национальных / этнических общностях, то чаще используется термин «этноцентризм».

Понятие этноцентризма было введено в научный оборот в начале XX века американским ученым У. Самнером. С его точки зрения, этноцентризм

связан с гипертрофией позитивных этнокультурных характеристик своей группы. При этом утверждается превосходство культуры своей группы над культурой чужой группы, что неизбежно ведет к отчуждению, неприязни, враждебности в мелотнических отношениях. У. Самнер полагал, что ингрупповым отношениям всегда свойственны интеграция и сотрудничество, а аутгрупповым – конкуренция и враждебность.

Теория этноцентризма, предложенная У. Самнером как единственно возможный способ взаимодействия этноконтактных групп, фатально предопределяющая ингрупповое сотрудничество и аутгрупповой негативизм, вступает в противоречие с эмпирическими данными, накопленными в этнографии, этносоциологии, этнопсихологии. Согласно этим данным, отношения конкуренции, враждебности или изоляции не являются универсальными характеристиками межэтнических контактов. Существует множество фактов взаимодействия этносов, которое основывается на взаимной терпимости и характеризуется сотрудничеством и межкультурными заимствованиями [18].

Этноцентризм, как характеристика образа своей и чужой этнической группы, возникает в процессе общения этносов на основе двух диалектически связанных процессов: сближения и обособления. Взаимодействие этнических групп сопровождается адаптационными процессами, которые могут протекать в разных формах: от межэтнической интеграции до этнокультурной изоляции. Успешная адаптация этнических групп в виде интеграции связана с позитивным отношением как к культуре собственной, так и к культуре этноконтактных групп, что находит выражение в формировании позитивно-направленных авто- и гетеростереотипов.

Деадаптация этнических групп, крайний полюс которой представляет этнокультурная изоляция, предполагает сверхтолерантность к собственной культуре при полном отвержении культуры этноконтактных групп, что выражается в наличии сверхпозитивных автостереотипов и негативных гетеростереотипов [18].

Успешное взаимодействие этносов в виде интеграции предполагает овладение навыками «чужой» культуры при полном сохранении собственной этнокультурной специфики, способствует тому, что межэтническая дифференциация переходит в констатацию различий мировосприятия и образа жизни этноконтактных групп, однако не содержит негативизма и непримиримости к «чужим» культурам. Дезадаптация этнических групп связана с усилением интолерантности к иноэтническому окружению, которая может проявляться в разных формах – от стремления уменьшить или прекратить контакты с иными культурами (сегрегация) до попыток уничтожить самобытные культуры этнических меньшинств путем поглощения, (ассимиляция) или физического уничтожения членов других групп (геноцид) [24].

Как правило, этноцентризм возникает в ответ на угрозу существования этноса как самостоятельного социокультурного целого и выполняет функцию социально-психологической защиты этноса от инокультурного влияния. Силы, разрушающие этнос, как самостоятельный субъект межгруппового взаимодействия, могут быть внутренними и внешними, то есть могут зависеть от специфики этнических групп, а также от особенностей социальной ситуации, в которой осуществляется их взаимодействие.

Таким образом, этноцентризм может представлять собой достаточно целостное и упорядоченное представление как о собственной этнической группе, так и о ее иноэтническом окружении.

С категорией этнического стереотипа тесно связано понятие социальной нормы. Под социальной нормой понимается «правило, регулирующее поведение человека в обществе» [2, с. 8]. В этой связи существует точка зрения, согласно которой социальная норма отождествляется со стереотипами поведения, к которым относят модели, стандарты поведения, традиции, обычаи и т.п. Например, Е.В. Бабаева рассматривает поведенческие стереотипы в качестве «разновидности социальных норм» [5, с. 10]. Регулятивный характер стереотипов поведения

(деятельности) подчеркивает и К.С. Сарингулян: «Любой составляющий содержание традиции стереотип деятельности, коль скоро мы рассматриваем его под углом зрения того, как он реализуется в деятельности людей, что обеспечивает его массовое приятие и устойчивую повторяемость, выступает как норма» [62, с. 34].

Этой точке зрения противостоит позиция, согласно которой «соотношение нормы и стереотипа поведения не сводится к их отождествлению» [6, с. 11].

А.К. Байбурин отмечает два аспекта нормы, не позволяющие поставить знак равенства между нею и стереотипами поведения: направленность нормы на регуляцию лишь общественного поведения людей и ее оценочный смысл, предписывающий «правильное» поведение. В противовес этому «стереотипизация распространяется на всякое поведение в любой сфере человеческой деятельности», а стереотипы поведения «существуют не только для выражения нормы, ее соблюдения, но и для ее нарушений, т.е. «неправильное» поведение имеет свои стандарты» [6, с. 9].

Таким образом, нормы и стереотипы поведения в каких-то случаях пересекаются, а в каких-то – существенно расходятся.

Если же рассуждать о мыслительных стереотипах как образах этнических групп, то их связь с социальной нормой прослеживается через оценочный характер последней и восходит к ценностям данной культуры, о чем уже говорилось выше. Упрощенно эту взаимосвязь можно представить следующим образом: нечто является ценностью в нашей культуре, поэтому это является в ней нормой, мы как члены данной национально-культурной общности в своей массе ведем себя согласно норме и считаем себя таковыми, что фиксируется в виде определенной характеристики в нашем автостереотипе (например, русские –гостеприимные, великодушные и т.п.). В гетеростереотип о других народах как в «фотонегатив» автостереотипа часто попадает то, что не соответствует нашим ценностям и нормам, что отличает «их» от «нас».

Таким образом, ценности определяют содержание национальных стереотипов, а стереотипы, в свою очередь, циркулируя в обществе и передаваясь от поколения к поколению, обеспечивают устойчивость системы ценностей этого народа.

1.3. Особенности этнического состава Красноярска

Городская среда является широким полем для развёртывания различного вида отношений. Город представляет собой и место, культурный ландшафт, и систему многообразных связей и взаимодействий населения, является особым социально-пространственным феноменом [23]. Межнациональные отношения – это своего рода контекст, оказывающий влияние на социальную жизнь города в целом. Многоэтничность среды может способствовать развитию общества, а может и стать причиной конфликтов.

Вопросы, связанные с национальными проблемами, стали привлекать внимание исследователей достаточно давно. Проблемы формирования государственной политики, учитывающей особенности национальных культур, стали затрагиваться отечественными учёными с конца 70-х гг. XX в. и по-прежнему не теряют своей актуальности.

В разное время эти вопросы разрабатывались многими авторами, среди которых наибольший вклад внесли академики Ю.В. Бромлей [13] и В.А. Тишков [62]. Также можно отметить профессора кафедры национальных и федеративных отношений Института государственной службы и управления В.В. Савельева [55]. Исследования городского пространства берут своё начало ещё в XIX в. К середине XX в. американскими антропологами Ч. Гаррисом и Э. Ульманом была разработана типология, классифицирующая города в соответствии с предоставляемыми ими услугами населению [15]. Но в целом имеющийся пласт научной

литературы посвящён или облику города, или наполняющим его отношениям.

В каждой из функций города исследователями выделяется два аспекта: внутренний и внешний (градообслуживающий и градообразующий). Внутренний аспект связан с тем, что город должен самостоятельно формировать условия своего существования. Одним из таких условий является уровень социальной напряжённости населения. В качестве основополагающего момента, влияющего на уровень этой напряжённости, можно указать межнациональные отношения. В научной литературе выделяются два вида факторов, определяющих развитие межнациональных отношений [36]. Объективные: социальное неравенство различных этнических групп в экономической, политической, духовнокультурной сферах общественной жизни, разная степень доступа к жизненно-необходимым благам и ресурсам; миграция и др.

Субъективные: конфронтация этнокультур, норм, ценностей и идеалов как мировоззренческой основы социального поведения. Таким образом, акцент данного исследования ставится на вопрос о наличии взаимосвязи между характеристикой города (принадлежность его к тому или иному типу) и бытующими в его среде межнациональными отношениями Мегалополисы открыты для разных культур и вмещают их в себя, таким образом, стирая некоторые этнические границы у проживающих там людей. Центральные по своей значимости места, как города, играют особую роль в перегруппировке и возможном слиянии различных этнических групп [36].

Этничность определяется комплексным и дифференцирующимся набором факторов. Для каждого этноса есть свой уникальный набор отличительных черт: язык, религия, одежда, обряды, традиции, идеалы, нормы общественного поведения, гастрономические предпочтения и т. д. Л. Гумилев считает, что основная различительная форма существования этноса – это стереотип поведения, который, в свою очередь, тоже

формируется из суммы факторов. Наше поведение, отношение к миру и что считаем важным – определяет кто мы [52].

На стереотип поведения и самоидентификацию влияет социокультурная среда. И если раньше основным местом социализации выступала семья, род, община – локальная, культурно однородная среда, то сейчас, с процессом глобализации, информатизации и распространением средств массовой коммуникации на процесс самоидентификации влияют разные модели. Появляется определенная свобода выбора (если в нем есть необходимость и если он осознается). Происходит процесс стирания значимых этнических различий и появляется более общее национальное и интернациональное единство. Индустриализация, бесспорно, ведет ко всеобщему единообразию.

В городах идентификация зависит от того какую работу и образование получил индивид. Поэтому отпадает необходимость соблюдать определенные традиции (культы, обряды), меняется экономическая среда, востребованными оказываются совсем другие виды деятельности. Вместо того, чтобы идентифицироваться с племенем, индивид начинает ассимилироваться в группу, где важен приобретенный, а не предписанный статус. Рушится традиционный этнический рисунок. Растворяется внешняя сторона стереотипа поведения определенного этноса. Массовая культура играет свою роль и навязывает, или формирует новые идеалы и модели поведения. Появляются ориентиры и желания, которые, возможно, не были традиционно присущи местному населению. У нынешней молодежи по всему миру появляется большой выбор возможностей самоидентификации и презентации. В каких-то случаях влияние западной культуры объединяется с местной идентичностью и образует гибрид культур. И это заимствование отодвигает традиции на второй план. Впрочем, эти процессы не разрушают единство этноса. Русские больше не ходят в лаптях, косоворотках и не носят бород. Основным занятием населения теперь не является сельское хозяйство. Однако этнос существовать не перестал [29]. Основная деятельность и жизнь

в больших городах схожа. Глобализационные процессы объединили стили жизни мегаполисов. Появляются заведения разных кухонь мира. Большие транснациональные компании распространяют свои товары по всему миру, и их можно найти в любом крупном городе. Стиль одежды во многом в больших городах тоже является единым.

Мегаполисы, глобализация и информатизация создают новый стереотип поведения, новую культуру, но не новый этнос, а надэтническое сознание.

В Красноярске по данным последней переписи населения 2010 года, насчитывается 137 национальностей. Общая численность нерусского населения – 320 тысяч человек, или 10,5%, не считая трудовых мигрантов. В целом, если поделить все этносы, то можно получить три крупные группы: русское население, автохтонное (аборигенное) население, национальные меньшинства и иммигранты [52].

Русский этнос. Его общая численность – 2 650 тысяч человек, почти 90% – это системообразующий этнос. Именно от его социального, психологического, общественного самочувствия зависит стабильность межэтнических взаимоотношений в регионе. Характерные особенности имеют и некоторые субэтнические группы русского населения, такие как русское население по Ангаре (старожилы), казачество, старообрядцы. У нас в крае очень большое количество различных групп. Самые многочисленные из них – старообрядцы часовенного толка. В целом по Красноярскому краю насчитывается порядка четырех десятков различных населенных пунктов, как правило, в отдаленной местности, либо в глухой тайге, где доминирует данное население [52].

Проблемные зоны. Это проблемы национальной психологии, постоянные попытки будировать вопрос о национальной идее, языковые проблемы. Они связаны с тем, что последние двадцать лет мы столкнулись с такими явлениями, как агрессия в сторону различных арг, либо тюремного

жаргона, либо американизмов (причем, я говорю не об английских словах, а именно об американизмах), в сторону ненормативной лексики.

Также есть проблемы по богоискательству, что выливается в развитие различных новых неокультов, которые то исчезают, то возникают, и конечно же различные квазирелигиозные проявления, как отечественного, так и зарубежного проявления.

Автохтонное население. Эти этносы, которые мы относим к категории коренных малочисленных народов севера Сибири и Дальнего Востока В настоящее время таких этносов у нас восемь (долганы, кеты, ненцы, нганасаны, энцы и селькупы), причем некоторые из них, например, долганы и кеты проживают исключительно на территории Красноярского края. Энцы – самый малочисленный народ (численность варьирует от 250 до 270 человек), проживающий на Таймыре, существуют только в Красноярском крае. К этой категории возможно добавятся ессейские якуты, являющиеся особой этнической группой якутов, которая живет изолированно, исключительно в одном из населенных пунктов Эвенкии на озере Ессей.

Также вполне возможно, что получают статус малочисленного народа эстонцы сету. Это своеобразная группа. Они православные, что отразилось и на их языке, культуре, быте и так далее. Основные проблемы этой небольшой по численности группы населения – проблемы физического выживания и развития традиционных форм природопользования, занятость и борьба с алкоголизмом.

Национальные меньшинства. По международной терминологии к этой группе относятся те национальности, которые находятся за рамками территории происхождения. По численности и перечню этносов это самая большая группа: здесь порядка 110 этносов, 300 000 человек или почти 10% населения. У этой группы населения основные проблемы связаны с сохранением национальной культуры, традиций, языка, обычаев и так далее [52].

Для отдельных национальностей уже характерен и выход за сугубо культурные аспекты. Они начинают работать и в сфере науки, развития туризма, взаимоотношения с исторической Родиной, просветительской работы, оказывают большую поддержку своим соотечественникам в виде информационной, юридической и других видах помощи.

Иммигранты. Самая немногочисленная группа. Общая численность более 120 000 человек. В основном, это представители «маятниковой» миграции, то есть те, кто приезжает сюда на заработки и не рассчитывают на социокультурную адаптацию и интеграцию в современных условиях. Они находятся на территории либо как гости, либо как туристы, либо как учащиеся вузов, но основная масса – это все-таки рабочая сила. Основные проблемы для этой категории населения это регулирование миграционных потоков. Здесь, на территории Красноярского края, также как и в России в целом происходит адаптация к тем новым положениям Российского законодательства, которое активно разрабатывается. Надо сказать, что за прошедшие двадцать лет именно данная сфера наиболее активно прорабатывается, если сравнивать с другими темами государственной национальной политики. Большой проблемой этого населения является защита прав, просвещение, языковая и социальная адаптация, особенно в отношении тех граждан, которые хотят получить гражданство Российской Федерации.

Начиная с конца 80-х гг. прошлого столетия в Российской Федерации и в Красноярском крае, в частности, просматривается резкий всплеск национального сознания и развития различных форм самоорганизации. За истекшие двадцать три года в крае были создано более семидесяти национальных культурных организаций, то есть официально зарегистрированных, которые за счет филиальной системы, центров, своих представительств в районах и городах края увеличили численность до двухсот объединений по сорока восьми национальностям.

Характер проживания национальностей отражается на их взаимодействии друг с другом и с местным населением. Старожильческое населения, как правило, проживает в сельской местности, то есть у них есть места компактного проживания. Миграционно-активные этносы Кавказа, Центральной и Юго-Восточной Азии, то они, как правило, аккумулируются в больших городах, прежде всего в Красноярске. Здесь они расселяются, грубо говоря, согласно двум позициям:

1. цена метра жилья;
2. близость к работе [52].

Поэтому в некоторых местах появляются так называемые анклав, что вызывает определенные напряжения во взаимоотношениях и с местными жителями и с определенными структурами.

Большинство красноярцев не испытывают радости от проживания территории края представителей Кавказа, а 26% наших соотечественников высказываются против.

По мнению экспертов, коренное население края видит в мигрантах угрозу. Есть даже градация, связанная с шестью страхами. На первом месте стоит физическая угроза: «мы их боимся, потому что инородцы агрессивны». Вторая – территориальная: у красноярцев есть опасение, что мигранты захватят нашу территорию. Далее идет правовая угроза: в обществе существует мнение, что приток переселенцев ведет к увеличению числа преступлений. Культурная угроза: «мы не понимаем их языка и традиций». Поведенческая: «они ведут себя неподобающим для гостей образом». Экономическая угроза: «мигранты занимают наши рабочие места». Причем, говорят исследователи, боятся гастарбайтеров люди пожилые – предпенсионного и пенсионного возрастов [38].

Страхи эти в основном необоснованны. Сегодня в Красноярском крае мигранты выполняют, как правило, непристижную, мало оплачиваемую работу, на которую не хочет устраиваться местное население [38].

Красноярске есть так называемая проблема скученности расселения мигрантов. В некоторых школах создаются классы, где количество детей-инофонов (для которых русский язык не родной) достигает 40%. Это ведет к тому, что родители русскоязычных детей начинают забирать их из этих школ и переводить в другие. Ведь если учитель большую часть урока посвящает обучению иностранцев русскому языку, образование коренного населения страдает.

Эта проблема очень актуальна для Ленинского и Советского районов Красноярска. Здесь создаются целые национальные классы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проанализировав теоретические разработки в области социальной психологии, этнологии и лингвистики, можно дать определение понятию стереотипа. Стереотип – это схематичный, упрощенный ментальный образ этнической общности, сформированный на основе сравнения «чужого» с внутренними идеалами и образцами в процессе межкультурного взаимодействия.

Стереотип есть механизм восприятия, некий специфический способ познания мира; устойчивое представление о предметах, объектах, явлениях, бытующее на уровне обыденного сознания людей как членов конкретной социальной общности.

В качестве такой социальной группы может выступать этнос. Формирование стереотипов осуществляется на основе атрибутивных процессов, когда объекту присваиваются характеристики, исходя из его группового членства, при этом становится более зримой граница между «своими» и «чужими». В этом смысле усвоение стереотипов выступает как способ социализации личности.

Будучи стабилизирующим фактором, стереотипы облегчают, упрощают взаимоотношения людей, их общение, обеспечивают взаимопонимание, они позволяют «экономить мышление», являясь как бы «контейнерами» для хранения и трансляции некоторых константных единиц, в которых хранится информация.

Под этническими стереотипами понимаются устойчивые, схематизированные, широко распространенные в определенной этнокультурной общности образы своей или чужой группы.

Красноярске есть своя специфика и свои особенности. Прежде всего, это сложный многоуровневый состав, Красноярск является столицей до недавнего времени трех самостоятельных субъектов Российской Федерации, что, несомненно, отражается на межнациональных отношениях. Значительно

увеличили свое представительство за счет рождаемости и миграционной активности ряд этносов, имеющих происхождение из Кавказа, Центральной и Юго-восточной Азии.

В Красноярске насчитывается 137 национальностей, включая три крупные группы: русское население, автохтонное население, национальные меньшинства и иммигранты.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРИОТИПОВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА

2.1. Организация и методики исследования

Исследование проводилось на базе КГБУ Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг «Мои документы» Советского района г.Красноярска

В исследовании принимали участие 40 жителей города Красноярска в возрасте 27–38 лет.

Для изучения стереотипов были применены следующие методики.

Методика биполярных шкал (метод полярного профиля) Преимущество биполярных шкал в том, что они позволяют выявлять не только качества, по которым группа высоко оценивается, а также и антистереотипные характеристики. Т.Г. Стефаненко указывает, что многочисленными исследователями различных теоретических ориентации подчеркивается важность принципа биполярности, в соответствии с которым осуществляется категоризация и стереотипизация как ее частный случай.

Данный метод является особенно продуктивным при проведении сравнительного исследования стереотипов двух – чаще всего своей и чужой – этнических групп, поскольку позволяет выявить форму, в которой протекает их дифференциация, а именно: сопоставления или противопоставления (Т.Г. Стефаненко).

Методики биполярных шкал включила в себя набор из 43 черт или качеств, оцениваемых по семибалльной шкале, приписанных типичному «русскому» и типичному «иностранцу». Для уменьшения систематической ошибки на опросном листе позитивные и негативные характеристики расположены на обоих полюсах шкал.

Респондентам была дана следующая инструкция: «Охарактеризуйте типичного русского (типичного еврея) с помощью приведенных ниже полярных качеств. Для этого прочтите внимательно каждую пару качеств и

решите, какое из двух характерно для русских. В том случае, если это качество в максимальной степени характеризует русских, обведите ближнюю к нему цифру «3», в средней – цифру «2», в меньшей – цифру «1». Если эта пара качеств вообще не характеризует русских, обведите цифру «0»».

В процессе обработки результатов мы рассматривали качества как стереотипные, если не менее 80% испытуемых согласны относительно их наличия у описываемой группы.

Респонденты оценивают по данным качеств абстрактного «типичного» представителя собственной этнической общности и «типичного» представителя иноэтнической группы, участвующей в процессе межэтнического взаимодействия.

Главный принцип построения исследования по данной методике основан на рассмотрении эмоционально-оценочного компонента как доминирующего в структуре этнического стереотипа.

Шкала «Социальной дистанции», предложенная Э.Богардусом, представляет собой методику измерения симпатий и антипатий представителей различных этнических групп. Социальная дистанция проявляется в установках людей по отношению к членам другой социальной или этнической группы, в различиях способов жизни разных национальностей, в типах расселения, в организации образования, в религии и так далее.

Основная идея, лежащая в основе построения шкал социальной дистанции заключается в том, что отношения людей характеризует различная степень близости различная степень личностной интеграции. Уровень приемлемости, вернее, близости той или иной этнической общности находит свое выражение на уровне

Каждому респонденту давалась следующая инструкция: «Перед Вами список групп и утверждений. Напротив каждой группы отметьте утверждения, которые могут стать продолжением фразы: «Для меня лично возможно и желательно принять представителя данной группы:

- как партнера по браку,
- как близкого друга,
- как соседа по дому,
- как коллегу по работе,
- в качестве знакомого,
- как туриста в моей стране,
- не хочу видеть его в моей стране.»

Респонденты должны были пометить один или несколько ответов, соответствующих их отношению к представителям данной группы.

В опросник вошли представители тридцати четырех этнических групп: американцы, голландцы, англичане, испанцы, итальянцы, украинцы, немцы, евреи, французы, чукчи, филиппинцы, китайцы, иранцы, индийцы, турки, египтяне, греки, курды, армяне, корейцы, азербайджанцы, грузины, цыгане, якуты, русские, арабы, чеченцы, ненцы, татары, белорусы, афроамериканцы / негры, казахи, монголы, бразильцы, японцы. В список вошли как хорошо знакомые этнические группы, так и малознакомые (с которыми у красноярцев никогда не было личных контактов).

При обработке каждому ответу респондентов присваивался балл:

- как партнера по браку – 1 балл,
- как близкого друга – 2 балла,
- как соседа по дому – 3 балла,
- как коллегу по работе – 4 балла,
- в качестве знакомого – 5 баллов.
- как туриста в моей стране – 6 баллов,
- не хочу видеть его в моей стране – 7 баллов.

Обычно, когда респондент останавливается на каком-либо ответе, он уже не выбирает другой, соответствующий меньшему баллу, хотя так происходит не всегда. Этот момент считается одним из слабых сторон шкалы Богардуса: например, для некоторых «сотрудничество» коллег по работе важнее, чем «соседство». Тем не менее, при нескольких ответах, данных

респондентом, засчитывается самый меньший по баллам ответ, а остальные при обработке не учитываются. Вычисленный средний ранг полученных ответов показывает социальную дистанцию по отношению в определенной этнической группе, и чем больше дистанция, тем хуже относятся респонденты к объекту исследования

3. Диагностический тест отношений «ДТО» Г.У.Кцоевой – методика, направленная на исследование эмоционально-компонентного компонента стереотипа. Главный принцип построения ДТО, основанного на рассмотрении эмоционально-оценочного компонента доминирующего в структуре этнического стереотипа, позволяет измерить такие его параметры, как амбивалентность, выраженность и направленность. Эти параметры являются содержательными характеристика этнических стереотипов, измерениями их «образности». Количественные показатели параметров рассматриваются как эмпирические индикаторы эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

2.2. Анализ результатов исследования этнических стереотипов населения города Красноярска

При рассмотрении русскими жителями Красноярска «иностранца» как представителей другой этнической группы была выделена 21 характеристика, из которых 55% были положительно окрашены, 40% были оценены как негативные, и 5% не имеют четкого эмоционального оттенка.

Эмоциональную окраску выделенных характеристик определяли сами респонденты.

Так, среди положительных характеристик, которые присутствуют у «типичного иностранца» жителями были названы следующие: хитрый, умный, красивый, культурный, религиозный, общительный, дружелюбный, трудолюбивый, целеустремленный, семейный, заботливый и патриотичный.

Среди негативно окрашенных качеств были выделены следующие: жадный, богатый, уродливый, брезгливый, нечестный, непатриотичный, доверчивый, самолюбивый, и такому качеству как эгоистичный жители затруднились дать определенную эмоциональную окраску.

Далее, на наш взгляд, необходимо сделать акцент на том, какими характеристиками русские и еврейские подростки наделили представителей иногрупп.

Так, русские жители города Красноярска, рассматривая типичного представителя своей этнической группы, выделили 23 качества, среди которых 60% положительно окрашены, 30% носят негативный оттенок и 8% не имеют определенного эмоционального оттенка. Нами были отмечены следующие положительные характеристики, а именно: строгий, честный, целеустремленный, сильный, храбрый, патриотичный, воспитанный, трудолюбивый, умный, сексуальный, красивый, благородный, серьезный, волевой и хитрый.

Среди негативно окрашенных качеств были выделены следующие: ленивый, безразличный, нетерпимый, эмоциональный, позер и консервативный.

Важно отметить, что количество и соотношение положительных и негативных характеристик при описании представителя своей и чужой этнических групп примерно одинаково, а само содержание положительных характеристик ин- и аут-групп во многом совпадает.

Рассмотрим результаты исследования эмоционально-компонентного компонента стереотипа.

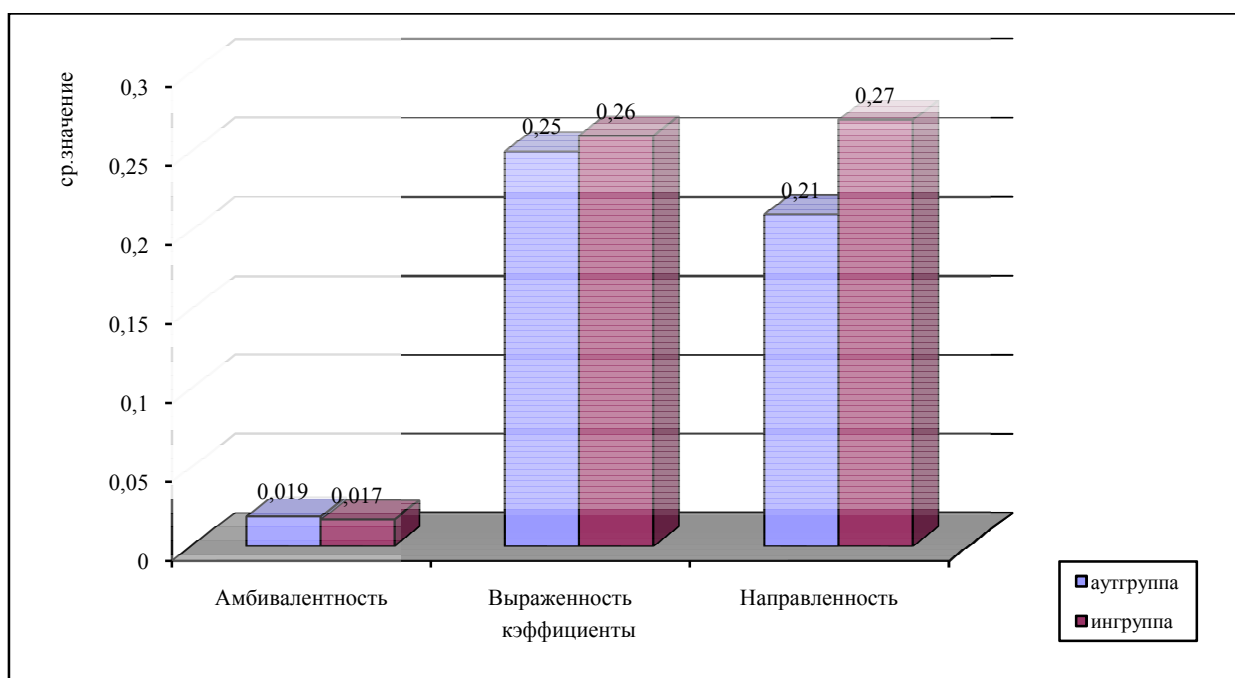

Рис.1. Этнические стереотипы жителей Красноярска

Коэффициент амбивалентности (А) имеет несколько сниженные средние значения, поэтому можно говорить о высокой определённости стереотипа как в отношении своей группы ($A=0,013$), так и в отношении аутгруппы ($A=0,019$) и свидетельствует о несомненной поляризации качеств.

Полученное значение по общему коэффициенту выраженности (S) в отношении ингруппы имеет среднее значение 0,29 и имеет позитивную направленность; в отношении аутгруппы среднее значение равно 0,25 и интенсивность гетеростереотипа также имеет положительную направленность,

Средние значения коэффициента валентности стереотипа (D) по ингруппе составили 0,3, а по аутгруппе – 0,21. Таким образом, общая эмоциональная направленность жителей Красноярска по отношению к представителям иных этнических групп имеет положительные значения.

Полученные данные позволяют нам утверждать, что выраженность (интенсивность) и эмоциональная направленность этнических стереотипов подростков открытого города носят позитивный характер.

Рассмотрим влияние гетеростереотипов русских жителей Красноярска на социальную дистанцию в отношении иностранцев

Таблица 1

Результаты измерения социальной дистанции

Ранг	Этническая группа	Социальная дистанция	Интерпретация	
1	Русские	1,53	слияние	
2	Англичане	3,01		
3	Американцы	3,29		
4	Итальянцы	3,34		
4	Французы	3,34		
5	Испанцы	3,46		
6	Белорусы	3,47		
7	Украинцы	3,49		
8	Немцы	3,55		
9	Бразильцы	3,75		
10	Афроамериканцы	3,87		
11	Греки	4		
12	Голландцы	4,01		
13	Японцы	4,03		
14	Корейцы	4,36		толерантность
15	Татары	4,37		
16	Казахи	4,39		
17	Эвенки	4,42		
18	Филиппинцы	4,5		
19	Китайцы	4,53		
20	Евреи	4,57		
21	Чукчи	4,7		
21	Монголы	4,7		
22	Египтяне	4,74		
23	Армяне	4,78		
23	Якуты	4,78		
24	Индийцы	4,88		
25	Грузины	4,93		

25	Азербайджанцы	4,93	изоляция
26	Турки	4,94	
27	Иранцы	5,06	
28	Курды	5,07	
29	Чеченцы	5,33	
30	Цыгане	5,57	

По результатам нашего исследования минимальная социальная дистанция (слияние), как и следовало ожидать, отмечена в отношении русских (1,53). Что еще раз демонстрирует феномен внутригруппового фаворитизма (в данном случае – явного предпочтения своей этнической группы) [6]. Красноярцы готовы вступать с русскими в родственные и дружеские отношения.

Все остальные этнические группы расположились в диапазоне от 3,01 до 5,57, что требует более подробного обсуждения. Интересно, что американцы и представители некоторых европейских этносов (англичане, итальянцы, французы, испанцы) оказались чуть ближе по социальной дистанции к респондентам, чем белорусы и украинцы (славянские этносы), что может свидетельствовать о привлекательном образе этих европейских наций в глазах жителей Красноярска.

Для более детального анализа выделим условно отдельные группы национальностей и средний индекс социальной дистанции по этим группам:

- славянские (украинцы, белорусы) – 3,48;
- европейские (англичане, итальянцы, французы, испанцы, немцы, голландцы, греки) – 3.53;
- Северо-Восточная Азия – китайцы, монголы, корейцы, японцы – 4,41;
- коренные народы, проживающие на севере РФ, в Сибири и на Дальнем Востоке (ненцы, чукчи, якуты) – 4.63;
- Закавказье – армяне, азербайджанцы, грузины – 4,88;
- Ближний Восток – египтяне, турки, иранцы – 4,91.

Такое условное выделение больших групп национальностей, сделанное по этническим и географическим признакам, используется при оценке шкалы

Богардуса для выделения некоторых общих тенденций при анализе ответов респондентов.

Наглядно результаты исследования представлены на рис.2.

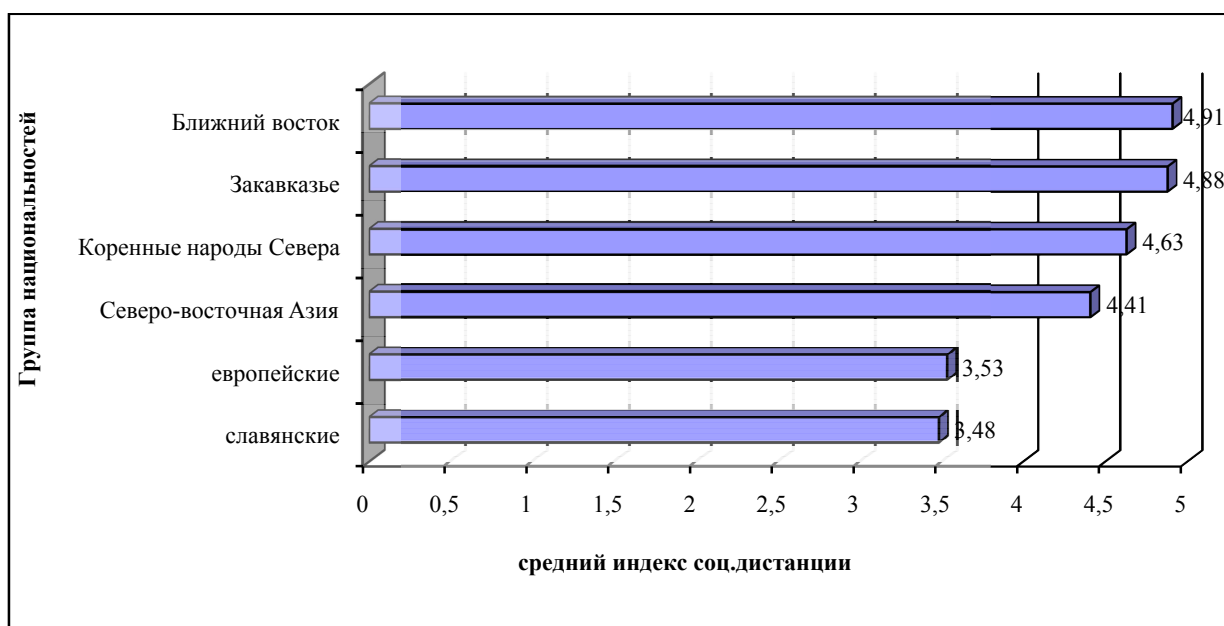

Рис.2. Социальная дистанция жителей Красноярска с этническими группами

Как мы видим из рисунка, славян и европейцев жители Красноярска ставят на достаточно близкую дистанцию, в сравнении с другими группами.

Ответы в диапазоне 3–4 говорят о возможности видеть их соседями по дому, коллегами по работе, т.е. завязывать достаточно близкие контакты.

Диапазон социальной дистанции от 4 до 5 означает для большинства респондентов возможность иметь представителей данной этнической группы в качестве коллег по работе или знакомых. Результаты исследования показывают, что представители Северо-Восточной Азии (особенно японцы – 4,03 и корейцы – 4,36) оказались по социальной дистанции для жителей Красноярска ближе многих других национальностей, включая некоторые этнические группы РФ, Закавказья и Ближнего Востока. Этот феномен требует своего дальнейшего изучения. Популярность элементов японской культуры у современной молодежи (аниме, традиционная японская кухня и т.д.) могла сыграть в этом свою роль.

Среди коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории РФ, ближе всего по социальной дистанции оказались для жителей Красноярска эвенки (4,42), что можно объяснить близостью проживания этой этнической группы и возможностью личного знакомства. Ненцы учатся в университетах Красноярска оказались дальше не только по географическому положению, но и по социальной дистанции.

Представители Закавказья (4,88) и Ближнего Востока (4,91) – находятся на достаточно большой социальной дистанции от респондентов, что близко к показателям изоляции. Дело здесь, по-видимому, не только в другой религиозной принадлежности (ислам), поскольку армяне и грузины – христиане.

В положении изоляции – иранцы, курды, чеченцы и цыгане. Понятно, что на положение этих 4 этнических групп повлияли разные факторы. Иранцев и курдов подавляющее большинство жителей Красноярска никогда даже не видели, поэтому на степень социальной дистанции могли повлиять негативные этнические стереотипы, СМИ и просто отсутствие информации о данных этнических группах. Этого нельзя сказать о чеченцах и цыганах, с которыми русских связывает общая история и непосредственные контакты, в том числе и опыт конфликтного взаимодействия. Достаточно вспомнить военные конфликты с Чечней и освещенность проблем торговли наркотиками цыганами в микрорайоне Покровка.

Выделим отдельно те группы, которые наиболее часто упоминались респондентами с оценкой «не хочу видеть его в моей стране», т.е. получали максимальную оценку 7 по шкале социальной дистанции. Они представлены в таблице 2.

Таблица 2

Максимальная социальная дистанция по отношению к этническим группам

Ранг	Этническая группа	Социальная дистанция
1	Цыгане	40,0%
2	Чеченцы	27,5%
3	Азербайджанцы	20,0%
4	Грузины	17,5%
4	Армяне	17,5%
5	Турки	17,5%
6	Иранцы	15,0%
7	Евреи	15,0%

Наглядно данные максимальной социальной дистанции по отношению к этническим группам представлены на рис. 3

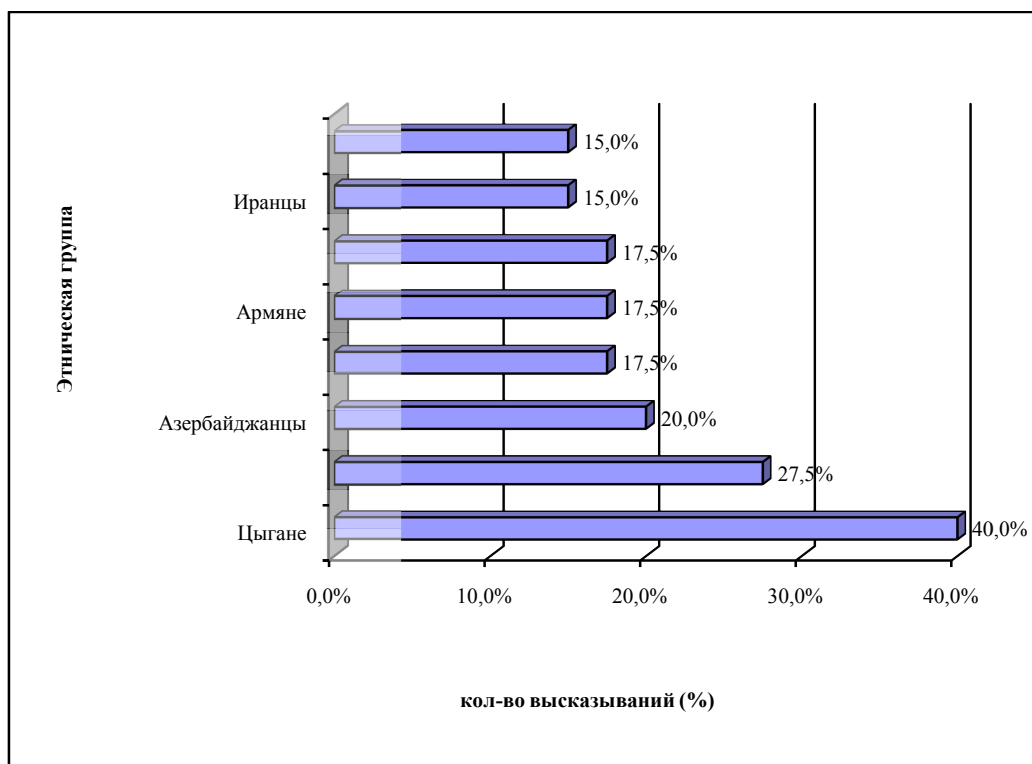

Рис.3 Максимальная социальная дистанция (7 баллов) по отношению к этническим группам

Представленные данные характеризуют отсутствие толерантности по отношению к ряду этнических групп у многих опрошенных нами жителей Красноярска.

Здесь на первом месте оказываются цыгане: более трети респондентов (40%) не хотели бы видеть их в своей стране, на втором месте – чеченцы: более четверти жителей Красноярска (27,5%) дают такие же ответы. И четверть жителей Красноярска не хотел бы видеть рядом с собой представителей Закавказья (азербайджанцев, грузин и армян). Далее идут турки, иранцы и евреи.

Остальные этнические группы также упоминаются некоторыми жителями Красноярска в графе «не хочу видеть его в моей стране», но в меньшей степени. Часто это единичные ответы. Такие данные отражают индивидуальные установки отдельных жителей по отношению к определенным этническим группам.

Единственная национальность, не получившая ни одного подобного ответа («не хочу видеть его в моей стране») – греки.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о наличии латентной этнической напряженности и необходимости профилактики ксенофобии и конфликтов на этнической почве у жителей Красноярска.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

При рассмотрении русскими жителями Красноярска «иностранца» как представителей другой этнической группы была выделена 21 характеристика, из которых 55% были положительно окрашены, 40% были оценены как негативные, и 5% не имеют четкого эмоционального оттенка.

Русские жители города Красноярска, рассматривая типичного представителя своей этнической группы, выделили 23 качества, среди которых 60% положительно окрашены, 30% носят негативный оттенок и 8% не имеют определенного эмоционального оттенка. Нами были отмечены следующие положительные характеристики, а именно: строгий, честный, целеустремленный, сильный, храбрый, патриотичный, воспитанный, трудолюбивый, умный, сексуальный, красивый, благородный, серьезный, волевой и хитрый.

Важно отметить, что количество и соотношение положительных и негативных характеристик при описании представителя своей и чужой этнических групп примерно одинаково, а само содержание положительных характеристик ин- и аут-групп во многом совпадает.

Определённость стереотипа как в отношении своей группы ($A=0,013$), так и в отношении аутгруппы ($A=0,019$) и свидетельствует о несомненной поляризации качеств.

Полученное значение по общему коэффициенту выраженности (S) в отношении ингруппы имеет среднее значение 0,29 и имеет позитивную направленность; в отношении аутгруппы среднее значение равно 0,25 и интенсивность гетеростереотипа также имеет положительную направленность, общая эмоциональная направленность жителей Красноярска по отношению к представителям иных этнических групп имеет положительные значения.

Полученные данные позволяют нам утверждать, что выраженность (интенсивность) и эмоциональная направленность этнических стереотипов подростков открытого города носят позитивный характер.

Результаты исследования показывают, что представители Северо-Восточной Азии (особенно японцы – 4,03 и корейцы – 4,36) оказались по социальной дистанции для жителей Красноярска ближе многих других национальностей, включая некоторые этнические группы РФ, Закавказья и Ближнего Востока.

Среди коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории РФ, ближе всего по социальной дистанции оказались для жителей Красноярска эвенки (4,42), что можно объяснить близостью проживания этой этнической группы и возможностью личного знакомства.

Представители Закавказья (4,88) и Ближнего Востока (4,91) – находятся на достаточно большой социальной дистанции от респондентов, что близко к показателям изоляции.

В положении изоляции – иранцы, курды, чеченцы и цыгане.

Отсутствие толерантности по отношению к ряду этнических групп у многих опрошенных нами жителей Красноярска.

Здесь на первом месте оказываются цыгане: более трети респондентов (40%) не хотели бы видеть их в своей стране, на втором месте – чеченцы: более четверти жителей Красноярска (27,5%) дают такие же ответы. И четверть жителей Красноярска не хотел бы видеть рядом с собой представителей Закавказья (азербайджанцев, грузин и армян). Далее идут турки, иранцы и евреи.

Единственная национальность, не получившая ни одного подобного ответа («не хочу видеть его в моей стране») – греки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие общие выводы.

На формирование и развитие этнических стереотипов влияют социальные, исторические, политические и культурные факторы. Этнические стереотипы детерминированы: во-первых, реальными специфическими чертами воспринимаемой группы, отличающими ее от других общностей и обусловленными материальными условиями жизни людей; во-вторых, спецификой преломления этих черт через аппарат социального восприятия стереотипизирующей группы; в-третьих, всем комплексом экономических, политических и культурных взаимоотношений между обеими общностями;

Взаимодействие и общение представителей различных наций основывается на схематичном восприятии ими друг друга, т.е. на этностереотипах, представляющих собой обобщенный, устойчивый, эмоционально-насыщенный, сложившийся в исторической практике межэтнических отношений образ этнической группы, регулирующий восприятие и поведение ее представителей.

Этнические стереотипы могут в определенной степени изменяться в зависимости от социальных, политических или экономических преобразований общества. Возможности изменения этнических стереотипов связаны с критическим отношением к собственной этнической группе, к изжившим себя и мешающим прогрессу явлениям и сторонам жизни; с ориентацией индивида как на эталоны, предписанные референтной группой, так и на стереотипы, принятые в той группе, в которую индивид включен в данный момент. Активное межэтническое общение в процессе совместной деятельности, правда, далеко не всякое, разрушает этнические стереотипы.

Портрет «типичного русского»: среди положительных характеристик, которые присутствуют у «типичного иностранца» жителями были названы следующие: хитрый, умный, красивый, культурный, религиозный,

общительный, дружелюбный, трудолюбивый, целеустремленный, семейный, заботливый и патриотичный. Среди негативно окрашенных качеств были выделены следующие: жадный, богатый, уродливый, брезгливый, нечестный, непатриотичный, доверчивый, самолюбивый, и такому качеству как эгоистичный жители затруднились дать определенную эмоциональную окраску.

Портрет типичного «иностранца». Положительные характеристики, а именно: строгий, честный, целеустремленный, сильный, храбрый, патриотичный, воспитанный, трудолюбивый, умный, сексуальный, красивый, благородный, серьезный, волевой и хитрый. Среди негативно окрашенных качеств были выделены следующие: ленивый, безразличный, нетерпимый, эмоциональный, позер и консервативный.

Важно отметить, что количество и соотношение положительных и негативных характеристик при описании представителя своей и чужой этнических групп примерно одинаково, а само содержание положительных характеристик ин- и аут-групп во многом совпадает.

Полученные данные позволяют нам утверждать, что выраженность (интенсивность) и эмоциональная направленность этнических стереотипов подростков открытого города носят позитивный характер.

Минимальная социальная дистанция (слияние), как и следовало ожидать, отмечена в отношении русских (1,53). Что еще раз демонстрирует феномен внутригруппового фаворитизма (в данном случае – явного предпочтения своей этнической группы) [6]. Красноярцы готовы вступать с русскими в родственные и дружеские отношения.

Как мы видим, славян и европейцев жители Красноярска ставят на достаточно близкую дистанцию, в сравнении с другими группами.

Результаты исследования показывают, что представители Северо-Восточной Азии (особенно японцы – 4,03 и корейцы – 4,36) оказались по социальной дистанции для жителей Красноярска ближе многих других

национальностей, включая некоторые этнические группы РФ, Закавказья и Ближнего Востока.

Среди коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории РФ, ближе всего по социальной дистанции оказались для красноярцев эвенки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
2. Аксянова Г.А., Давыдова С.С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. 36 с.
3. Алимущкина О.А. Стереотип в современной науке: классификация и функционирование // Очерки гуманитарных исследований. Барнаул, 2005. С. 156–207.
4. Арутюнова Н. Д. Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. 247 с.
5. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дисс. ... док. филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
6. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения / Под. ред. А.К. Байбурина. Л.: Издательство «Наука», 1985. С. 7–21.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 2013. 949 с.
8. Белова О.А. Исследование этнических стереотипов в рамках социологии // Социальная политика и социология. 2009. № 4 (46). С. 118–125.
9. Белова О.А. Этнические стереотипы как объект социологического исследования // Социальная политика и социология. 2008. № 2. С. 118–127.
10. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. СПб: Изд-во «СПбКО», 2009. 416 с.
11. Бодалев А.А., Куницына В.Н., Панферов В.Н. О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности. СПб.: Речь, 2017. 240 с.
12. Большой толковый социологический словарь. М.: Общественная мысль, 1999. Т. II. 1056 с.

13. Бромлей Ю. В. Национальные вопросы в СССР: в поисках новых подходов. М.: Наука, 1988. 208 с.
14. Веревкин О.Л. Стереотипы восприятия этнических групп // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 6 (94). С. 193–207.
15. Гаррис Ч., Ульман Э. Сущность городов // География городов. М. : Прогресс, 1995. С. 255–268.
16. Гнатенко П.И., Павленко В.И. Этнические установки и этнические стереотипы. Днепропетровск: Нота-Бене, 2012. 279 с.
17. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы/Этногенез и биосфера земли. М.: Эксмо, 2012. 219 с.
18. Деловая Л.А. Этнический стереотип – индикатор состояния межэтнических отношений // Этносоциальные процессы: в поисках инновационной методологии материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 68–69.
19. Жаздыкбаева М.Б., Касымбеков Ж.А. К вопросу о концепциях, посвященных этническим стереотипам в психологической науке // Вестник научных конференций. 2016. № 2–1 (6). С. 29–30.
20. Калашян Я.Г., Ерина И.А. Взгляд ученых на этнический стереотип // Эволюция современной науки сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2016. С. 154–156.
21. Кон И.С. Психология предрассудка: О социально-психологических корнях этнических предрассудков. // Новый мир. 1966. № 9. С. 187–205.
22. Кон И.С. К проблеме национального характера. М.: Знание, 1986. 270 с.
23. Коптяева Е.А. Этнические стереотипы в современном российском городе // Вестник Омского университета. 2016. № 4 (12). С. 81–86.
24. Королев СИ. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М.: АСТ, 2013. 210 с.
25. Котляров Г.Д. Вопросы этнопсихологии. СПб.: Речь, 2011. 267 с.

26. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. 375 с.
27. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Изд. центр Академия, 2008. 320 с.
28. Куницына В.Н. Социальные стереотипы – условие и продукт социализации // Вопросы психологии. 1990. №7. С. 69–74.
29. Курцев Т.И. Изменение этнического стереотипа в условиях мегаполисов // Информация – коммуникация – общество. 2014. №1. С. 76–78.
30. Лебедева Н.М. Этнология и психология о личности // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005. С. 98–119.
31. Левкович В.П., Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен // Психологический журнал. 1995. Т.16. № 2.
32. Лейфа И.И., Поздирка В.В. Оценочный характер этнических стереотипов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 44. С. 95–96.
33. Леонтьев А.А. Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. 1981. №3. С. 79–84.
34. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
35. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 234 с.
36. Мазурина Н. Г. Межнациональные отношения в условиях полиэтнического мегаполиса (на материалах г. Москвы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 29 с.
37. Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
38. Малая Е. Настройка на шести страхах [Электронный ресурс] // Новый Красноярск. 2011. №45. /

URL:http://www.mstu.edu.ru/science/conferences/11ntk/materials/section8/section8_35.html (Дата обращения: 1.10.2017).

39. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с
40. Медведева С.М. Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. М.: МГИМО-Университет, 2005. 240 с.
41. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 414 с.
42. Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. СПб.: СПбГУ, 1996. 159 с.
43. Метелкина Ю.С. Социальные стереотипы: процессы формирования, виды и использование в политике (информационный подход): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 29 с.
44. Назырова Л.С. Особенности национальных стереотипов русских и казахов (на примере Республики Казахстан): дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001. 242 с.
45. Окладникова Е.А. Этносоциология (Теория этнических ценностей). СПб.: СПбГИЭУ, 2006. 170 с.
46. Осипов И.И. Роль этнических стереотипов в современном мире // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2013. №1. С. 15.
47. Передерий А.А. Классификация и типология городов [Электронный ресурс] // Научно-техническая конференция МГТУ, Секция «Актуальные проблемы менеджмента, маркетинга, экономики и права». М., 2000. URL: http://www.mstu.edu.ru/science/conferences/11ntk/materials/section8/section8_35.html (Дата обращения: 10.11.2017).
48. Прожилов А.В. Национальный характер или этнический стереотип // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 82–85.

49. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
50. Прохоров Ю.Е. Национальная специфика стереотипов речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Таст, 2013. 340 с.
51. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: ЛКИ, 2008. 224 с.
52. Рыжков В. А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983. 22 с.
53. Романов А.С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира: дис. канд. фил. наук. М., 2015. 215 с
54. Рыжков В.А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983. 22 с.
55. Савельев В. В. К вопросу о разработке теории федеративно-национальных отношений // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 12. С. 11–27.
56. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш. школа, 2005. 310 с.
57. «Свое» и «чужое»: межкультурная коммуникация в полипарадигмальном аспекте: коллективная монография / под ред. Л.А. Шкатовой. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. 185 с.
58. Сикевич З.В. Молодежная культура: за и против. Л., 1990. 297 с.
59. Сикевич З.В. Русские: «образ» народа (социологический очерк). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 152 с.
60. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред.

Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во Московского университета, 2007. С. 242–250.

61. Суходольская Н.П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. 2007. № 3 (47). С. 152–160.

62. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

63. Токмакова Е.В. Этнический стереотип и национальный характер // Вестник научных конференций. 2015. № 1–5 (1). С. 154–156.

64. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

65. Трусов В.П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. Л., 1980. 200 с.

66. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования установки. М.: Академия, 2015. 349 с.

67. Фрейд З. Я и Оно. М.: «Эксмо-Пресс», Харьков: «Фолио», 2000.

68. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 446 с.

69. Чухина Е.В. Роль этнических стереотипов в процессе межкультурной коммуникации // Материалы межвузовской научно-практической конференции. Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Омск, 2016. С. 122–125.

70. Шахбанова М.М. Роль этнических стереотипов // Региональные аспекты социальной политики. 2005. № 7. С. 126–131.

71. Шестопал Е.Б., Брицкий Г.О., Денисенко М.В. Этнические стереотипы русских // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 62–70.

72. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 544 с.

73. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М.: Общество, 2015. 175 с.

74. Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
75. Ядов В.А. К вопросу о разработке социальной типологии личности // Личность в системе коллективных отношений. М., 1980. 200 с.
76. Dąbrowska J. Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung. Tübingen, 1999. 341 s.
77. Jaworsky R. Zwischen Polenliebe und Polenschelte. Zu den Wandlungen des deutschen Polenbildes im 19. und 20. Jahrhundert. // Das Bild des Anderen: politische Wahrnehmung im 19. und 20. Jahrhundert / B. Aschmann / M. Salewsky (Hg.). Stuttgart: Steiner, 2000. S. 80–89.
78. O'Hara R. Media for million. New York, 1989. 295 p.
79. Rösch O. Mit Stereotypen leben? Wie Deutsche und Russen sich heute sehen // Interkulturelle Kommunikation in Gesellschaftsbeziehungen zwischen Russen und Deutschen: Beiträge aus Wissenschaft und Praxis zum 2. Wildauer Workshop «Interkulturelle Kommunikation». Berlin, 1999. S. 141–148.
80. Van den Berghe, P. L. Race and Ethnicity: A Sociobiological Perspective // Ethnic and Racial Studies. — 1998. Vol. 1. No. 4. p. 401–411.